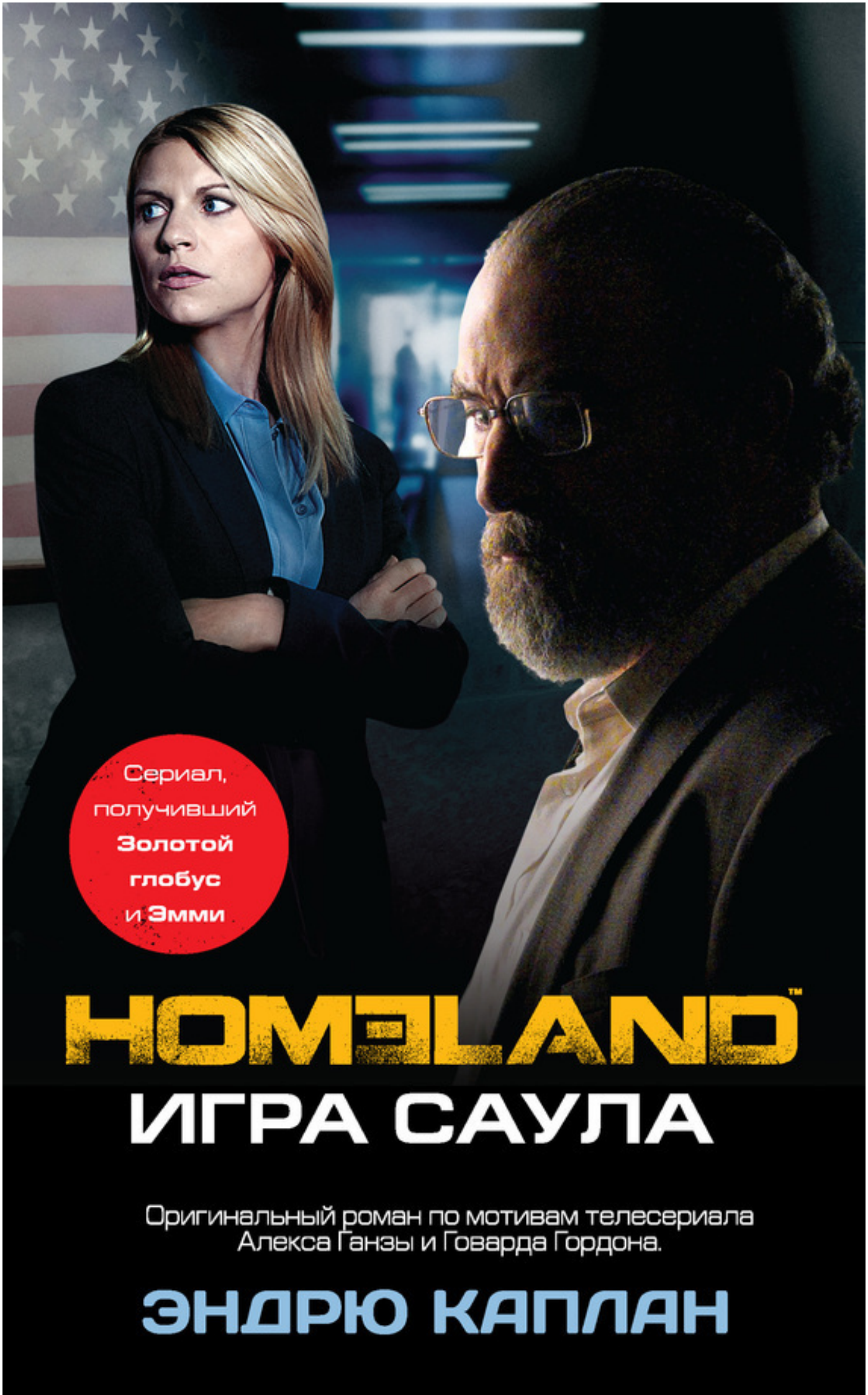

HOMELAND™

ИГРА САУЛА

Оригинальный роман по мотивам телесериала Алекса Ганзы и Говарда Гордона.

ЭНДРЮ КАПЛАН

Homeland

Эндрю Каплан

Homeland. Игра Саула

«АСТ»
2014

Каплан Э.

Homeland. Игра Саула / Э. Каплан — «АСТ», 2014 — (Homeland)

Дамаск, Сирия, 2009 год. Кэрри Мэтисон возглавляет операцию, цель которой – схватить или уничтожить одного из руководителей «Аль-Каиды» Абу Назира. Однако на месте ее команда застает лишь пустой дом, служивший террористу убежищем. Кэрри всерьез полагает, что у них завелся «крот», сливающий информацию врагу. Интересы США на Ближнем Востоке под угрозой. Чтобы раскрыть двойного агента, шеф Кэрри Саул Беренсон разрабатывает хитроумный план – Кэрри предстоит самая опасная в ее жизни миссия.Эта запутанная история погружает фанатов оригинального сериала еще глубже в напряженный мир международного шпионажа, раскрывая неизвестные ранее детали прошлого Кэрри (агента ЦРУ на Ближнем Востоке) и Саула (агента ЦРУ в Иране), а также детства, юности и плена Броуди. Сложная цепочка событий затронет и прочих полюбившихся зрителю персонажей вроде Дара Адала.

© Каплан Э., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Примечание автора 6
2009 г. 8
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Эндрю Каплан
Homeland. Игра Саула

Copyright © 2014 Showtime Networks, Inc.
A CBS Company. All Rights Reserved.
HomelandTM & © 2014 Twentieth Century Fox
Film Corporation. All Rights Reserved.
© Абдуллин Н., перевод, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Примечание автора

Для читателей, которым интересна более подробная информация о персонажах, принятых в ЦРУ сокращениях, терминах и жаргонных обозначениях, об организациях, агентствах и т. д., в конце книги приведен глоссарий.

Совершенно секретно//X1:
По специальному допуску//ORCON/NOFORN/
Лично директору ЦРУ/100X1

[Стенограмма допроса на полиграфе: Центр общественной безопасности ЦРУ/Департамент разведки по Ближнему Востоку/Национальная секретная служба/Багдадское отделение; дата: 21062009]

Субъект: Кэролайн (Кэрри) Энн Мэтисон/Оперативник/Багдадское отделение/ОРБВ/НСС

Допрос проводил: *[[Имя удалено – см. комментарий в конце стенограммы]]*

Примечание: стенограмма содержит оценку проверяющего [[дается в двойных скобках]]. Начало стенограммы допроса:

Проверяющий: Вас зовут Кэролайн Энн Мэтисон?

Мэтисон: Да.

Проверяющий: Вы родились пятого апреля тысяча девятьсот семьдесят девятого года?

Мэтисон: Да.

Проверяющий: Вам полных тридцать лет?

Мэтисон: Да.

Проверяющий: Вы оперативник ЦРУ, прикомандированный к багдадскому отделению в Ираке?

Мэтисон: Да.

Проверяющий: За последнюю неделю у вас имелись связи сексуального характера?

Мэтисон:…Да.

Проверяющий: Вы в курсе операции ЦРУ под кодовым названием «Железный гром»?

Мэтисон: Я… да, слышала о ней.

Проверяющий: Отвечайте просто: да или нет. Вы в курсе операции ЦРУ под кодовым названием «Железный гром»?

Мэтисон: Да.

Проверяющий: Вы возглавляли операцию «Железный гром»?

Мэтисон: Да.

Проверяющий: Вы убили гражданина Ирака *[[удалено]]*?

Мэтисон: Он собирался *[[удалено]]*.

Проверяющий: Вы убили его собственноручно? Да или нет?

Мэтисон: Да.

Проверяющий: А *[[удалено]]*? С ним вы состояли в сексуальной связи?

Мэтисон: Да, но это… *[[удалено]]*.

Проверяющий: Вы принимали наркотические препараты, включая экстази и каптагон, известный также как «ноль-один»? Участвовали в сексуальных оргиях?

Мэтисон: Нет, в оргиях не участвовала. *[[Неверно. Субъект лжет.]]*

Проверяющий: Вы знакомы с Уарзером Зафиром, иракским работником посольства США, который также являлся багдадским оперативником ЦРУ? Да или нет?

Мэтисон: Да. Мы вместе работали.

Проверяющий: Ваше знакомство не ограничивалось работой, так? Вы сожительствовали с ним и неоднократно вступали в половую связь? Верно?

Мэтисон: Да.

Проверяющий: Тем не менее, ваши действия повлекли за собой гибель Уарзера Зафира?

Мэтисон: Вы с ума сошли?! Все не так! Все совсем не так! *[[Неверно. Субъект лжет.]]*

Проверяющий: Мисс Мэтисон, вы участвовали в *[[удалено]]*, которое *[[удалено]]*? Как участник операции «Железный гром» или в любом другом качестве?

Мэтисон: Нет. Какого *[[удалено]]? [[оценка проверяющего удалена]]*

Проверяющий: Если говорить совсем точно, вы абсолютно ничего не знали о *[[удалено]]*?

Мэтисон: *[[удалено]]*.

Проверяющий: В ходе операции «Железный гром» вы *[[удалено]]* и *[[удалено]]*?

Мэтисон: Да.

Проверяющий: Во время *[[удалено]]* вы разглашали разведданные, подвергнув тем самым серьезной угрозе национальную безопасность США?

Мэтисон: Нет. Я этого не делала. *[[Неверно. Субъект лжет.]]*

Проверяющий: Вы предатель Соединенных Штатов Америки?

Мэтисон: Нет, сукин ты сын! Нет. *[[Неверно. Субъект лжет.]]*

……

Скрытая часть стенограммы допроса на полиграфе: ЛИЧНО ДИРЕКТОРУ ЦРУ. Проверяющий/Данные по человеческим ресурсам/Файл 201/Трубкозуб РАЗВЕДДАННЫЕ/Правка согласована с ДЦРУ/М-24062009-2

2009 г.
За год до Арабской весны

Третье офисное здание Сената США имени Харта, Вашингтон, округ Колумбия

28 июля 2009 года
Время: 22:19

– Господин президент, господин вице-президент Уильям Уолден, спасибо, что пришли в столь поздний час.

– Где это мы? Пещера какая-то…

– Особая комната, господин президент. Здесь мы встречаемся со шпионами вроде нашего вице-президента – он ведь был директором ЦРУ. Комната прямо под залом заседаний Сената. С точки зрения электронной прослушки, безопаснее места во всем Вашингтоне не найти. Тоннель, ведущий сюда от здания имени Диркенса, охраняют морпехи, так что никто не узнает о вашем визите.

– Вот и хорошо, ведь этой встречи не было. Тим, мой сопровождающий из Секретной службы, не в восторге.

– Можете на меня положиться, господин президент. Кстати говоря…

– Давайте сразу к сути дела, сенатор. Мы не можем тут заседаний устраивать.

– Терпение, господин президент. Мы с вами равнозначные ветви правительства. Граждане Америки имеют право…

– Что за бред! Мы политикой занимаемся и ничем более. Разница лишь в том, что я уже не кандидат, сенатор. Я уже президент, и я вам говорю: ничего у вас не выйдет.

– Конечно же, мы занимаемся политикой. А вы чего ожидали? Вонь стоит такая, что не продохнуть. Скрыть ее не удастся.

– Мы отправили вам все, о чем вы просили, сенатор.

– А-а, Билл, вы тоже участвуете? Мне пришел – как любил выражаться мой папочка – вагон и маленькая тележка дерьма собачьего. Возьмем стенограмму допроса оперативницы, Мэтисон. Вы подчистили все, все! Странно, что имя агента не вымарали… Господа, так дела не делаются. Слушание пройдет публично, в присутствии СМИ: CNN, «Фокс», MSNBC… Всех позовем. Если вам, господин президент, или вам, Билл, это не по душе… Что ж, придется потерпеть.

– Сенатор… Уоррен, для начала давайте добавим прозрачности: мы друг друга терпеть не можем. Думаете срубить очков? Увидеть себя во всех воскресных ток-шоу и, может, даже добиться более значимого поста? Поверьте, слушание не состоится.

– Помешать хотите, сэр? Как прокурор со стажем предупреждаю: вам обоим светит импичмент. Я к делу подошел со всей ответственностью.

– Как и я, сенатор. Поэтому я здесь. Однако слушанию ход давать нельзя.

– При всем уважении, господин президент, я председатель специального комитета Сената по вопросам разведки. Как вы меня собираетесь остановить?

– А так: под толстым слоем дерьма – в таком деле святых не бывает – погребен истинный патриот. Человек, который любит родину. Послушайте, Уоррен, забудем на время о политике. Я президент США и лишь поэтому пришел сегодня в столь неурочный час. На кону национальная безопасность. Остановитесь, пока не поздно.

– Так запросто вы меня ни в чем не убедите. Понадобится нечто более весомое.

– Потому-то я и позвал вице-президента. Билл?

– Сенатор, президент поручил мне рассказать вам все – без утайки, чистую правду. Узнав ее, вы сами для себя все решите. Я санкционировал операцию, она прошла в мою смену.

– А что эта оперативница, Мэтисон? Она предатель? Я всерьез подумываю протащить ее через Суд по контролю за внешней разведкой, запереть в камере и выбросить ключ.

– Ваше право, но учтите: смотрите вы не в ту сторону. Дело не в Мэтисон.

– Бога ради, Билл, в чем же тогда?

– Кстати, и бог тут ни при чем. Наш герой даже не христианин. Он ортодоксальный еврей. Ортодоксальный еврей, который даже не носит ермолки и не следует обычаям иудейской веры. Уже это сбивает с толку. А зовут еврея Саул.

– Саул?

– Мы ведь прислали вам документы, в них – все. Не совсем, правда, все. Господин президент, в вашем присутствии я должен сообщить: мы передали сенатору лишь треть секретной информации. Простите, иначе было нельзя. И пусть мы кое в чем подправили данные, которые в конце концов предоставили, в них – хотите верьте, хотите нет – именно то, что вам нужно, сенатор.

– Что же? Вы про… операцию «Железный гром»? Как по мне, очередная провальная афера агентства.

– Ого, вы так и не поняли! «Железный гром» – это Девятая соната Бетховена, «Джоконда», Сикстинская капелла, а вы и не догадываетесь. Сенатор, это, возможно, была самая блестящая и успешная операция в истории ЦРУ – плод гениального ума. «Гром» спас ход Иракской кампании, если не весь Ближний Восток. Не осуществи мы его, сейчас подсчитывали бы потери среди наших солдат. Престиж Америки пострадал бы как никогда… и это далеко не все. Катастрофа нам грозила куда страшней 11 сентября. Вам бы наградами нас увешать.

– Притормозите, Билл. Раз уж вы с господином президентом пытаетесь выставить плохишом меня, то почему бы для начала не рассказать все в подробностях? Только учтите: переубедить меня сложно. С чего начнем? С операции?

– Нет, начнем с оперативницы, раз уж вы сами о ней заговорили.

Сирийская пустыня

12 апреля 2009 года

Время: 01:32

Низко над пустыней летела пара вертолетов «Блэкхок»: в темноте, на расстоянии сорока метров друг от друга, в семидесяти футах над песком и камнями. Ночное небо скрывалось за тучами, только одинокая звезда светила на горизонте. Пилоты вели машины почти вслепую, на скорости в сто шестьдесят узлов, ориентируясь исключительно на показания допплеровского радара «AN/ASN-128». Прибор считывал рельеф местности: обнаженная каменная порода, песчаные дюны и дома (хотя в этой-то части пустыни последнее – редкость невиданная). Было бы безопаснее подняться на высоту, однако тогда пилоты сдали бы себя на тарелочке сирийским силам ПВО. Даже против одного истребителя местных ВВС у «Блэкхоков» не было и шанса.

Сидевшая у люка Кэрри Мэтисон пыталась унять дрожь в руках. Она уже второй день не принимала таблеток – клозапин, от биполярного расстройства. В «Зеленой зоне», что в Багдаде, она покупала таблетки в небольшой аптеке на улице Хайфы. Там, если владелец по имени Самаль тебя знает, можно достать любое известное лекарство без вопросов. Главное – плати наличкой. «Американские доллары, если можно. *Shokran*[1] вам большое, мадам».

[1] Спасибо (*араб.*).

В красном свете аварийных огней угадывались силуэты спецназовцев: в полной выкладке, с оснащенными ПБС карабинам «M4 A1». Десять человек плюс Кэрри – итого одиннадцать; полный, если можно так выразиться, комплект для «Блэкхока». Цель находилась в пределах боевого радиуса вертолетов – триста шестьдесят восемь миль, – и команда планировала возвратиться в Ирак еще до рассвета. За иллюминатором подле люка, где за станковым орудием калибра 7,62 сидел пулеметчик, царила непроглядная тьма. За гулом мотора и стрекотом лопастей не было слышно вообще ничего.

Вылетев с передовой оперативной базы Дельта – обложенной мешками с песком бетонной площадки посреди пустоты, близ Эр-Рутбы, что на западе Ирака, – они минут пятнадцать назад пересекли воздушную границу Сирии. Пустыня между Эр-Рутбой и Эль-Атибой по большей части необитаема, если не считать беспорядочно раскиданных остановок вдоль 10-го шоссе и лагерей контрабандистов.

Еще до того, как по этим пескам маршем прошли римские легионы, контрабандисты проложили здесь свои пути. Планируя операцию, Кэрри исходила из предположения, что местные племена вряд ли станут звонить силам безопасности; услышав вертолеты, они, скорее всего, попрячутся, решив, что приближаются сирийские летчики. Однако… это было всего лишь предположение.

Руки по-прежнему тряслись. Дьявол! Кэрри намеренно перестала принимать таблетки: ей требовалась абсолютно ясная голова. И в то же время она чувствовала себя странно. Это был первый звоночек: скоро случится заскок.

«Сосредоточься!» – велела себе Кэрри.

Сколько лет она уже гоняется за Абу Назиром, лидером АОИН, «Армии освобождения исламского народа», командиром «Аль-Каиды» в Ираке и первым после Усамы бен Ладена в списке самых опасных террористов. Дело стало глубоко личным. Особенно после того, как близ Фаллуджи взорвали капитана Райана Демпси, дорогого ей человека.

В тот год Кэрри почти поймала Абу Назира, в Хадисе, но террорист ускользнул, точно фантом. Да он и был призраком. И все же она не сдавалась: сама Кэрри, Перри Драйер, шеф багдадского отделения ЦРУ, Уарзер Зафир, мнимый переводчик из посольства США, а на самом деле завербованный агент ЦРУ, и, конечно, шеф Кэрри Саул Беренсон, начальник Отдела разведки по Ближнему Востоку.

Через полтора года после гибели Демпси Уарзер ушел от жены. С одним небольшим чемоданчиком он явился на порог жилища Кэрри в «Зеленой зоне». Это была маленькая квартирка на втором этаже, с видом на улицу Эн-Насир; прямо на разделительной полосе дороги под пальмами тянулись лотки черного рынка, с которых проезжающим мимо продавали автомобильные запчасти, бензин в пластиковых канистрах, оружие и даже презервативы.

– Я не Демпси, – сказал в ту ночь Уарзер. В открытое окно влетал запах *масгуфа*, жареной рыбы. Уарзер спрятал руки в карманы, точно школьник на первом свидании.

– И хорошо, что не он, – ответила Кэрри. У нее не было мужчины с тех пор, как погиб Демпси. Уарзера она не любила, зато он дарил ей тепло, которого так не хватало.

– Я иракец, член племени Дулаим из Эр-Рамади. То, что я делаю – *харам*, грех, ты понимаешь? Моя мать плакала, отвернулась от меня. Родная мать! Жена сказала: «Сперва наиграйся со своей американской *sharmuta*, а уж потом я решу, можно ли тебя простить. Захочу ли я тебя простить». Понимаешь, Кэрри?

Она кивнула. *Sharmuta* по-арабски значило «шлюха».

– А мне просто нужна ты, – сказал он и порывисто обнял ее, первый раз. – Только мы с тобой, посреди войны, безумия. Абу Назир, он позорит ислам и всех мусульман, мне тошно от того, что вытворяет эта сволочь.

И они были вдвоем: Кэрри и Уарзер, первый мужчина, взявший ее за столь долгое время. Вот что сотворила с ними охота на Абу Назира: Уарзер и Кэрри остались, будто сироты посреди бури, окруженные запахами, что влетали с багдадской улицы в открытое окно маленькой квартирки.

– Поднимаюсь, – сообщил пилот и взлетел над препятствием. Они летели опасно низко к земле, однако и сама операция – которую готовили три месяца, оставалась безумно опасной. Ответственность целиком лежала на Кэрри: она настаивала на проведении и добилась своего.

Санкционировать такую операцию могли только на самом верху: вице-президент и советник президента по нацбезопасности. Когда запрос лег на стол Уильяму Уолдену, он выдернул Кэрри из Багдада назад в Вашингтон. Кэрри вошла в кабинет к вице-президенту в Западном крыле Белого дома, сопровождаемая шефом, наставником и вообще единственным во всей конторе, на кого она могла положиться, – Саулом Беренсоном. Тогда Кэрри первый раз побывала в Белом доме.

– Вы в своем уме? – спросил Уолден. – Мне еще ни разу не представляли на одобрение такой рискованной операции. Вы сознаете, что если облажаетесь в какой-нибудь мелочи, если у вертолета что-то забарахлит, собака гавкнет или кто-то пальнет в неподходящий момент, то нас всех уничтожат? Державу, контору – всех. Мы вторгаемся в чужую страну. Неужели, Саул, ты рассчитываешь, что вас не заметят?

– Это Абу Назир, это он. Мы за ним не первый год гоняемся, – сказала Кэрри. – Наконец-то прижали.

– Откуда вам знать? От Кадиллака? Я не верю, Саул, слишком все зыбко. Не могу я с этим пойти к Хиггинсу.

Хиггинс был советником президента по национальной безопасности.

– Дело выгорит, Билл, с вероятностью в девяносто процентов. Ты же знаешь, Кэрри права, – не уступал Саул.

«Кадиллак» – такое кодовое имя дали генерал-полковнику Мосабу Сабагху, второму человеку в элите сирийской армии, бронетанковой дивизии президентской гвардии. Сабагх был доверенным членом Алидов, клана президента Асада, и состоял в ближнем круге дамасской хунты.

Завербовал его Саул. Он давно определил Сабагха как потенциального агента. И вот когда наблюдатель, следивший за Сабагхом в игорном клубе «Лондон» при каирском отеле «Рамсес Хилтон», сообщил: сириец проигрался в пух и прах, – на сцену вышел Саул. Сабагх поехал в Каир, тогда как его супруга Амина вместе с женой президента Асада Асмой отправилась в шоп-тур по Парижу, на улицу Фобур-Сент-Оноре. Такие кутежи были отнюдь не по карману генерал-полковнику, и вот он решил компенсировать расходы выигрышем в казино. «Сомнительная затея, – заметил Саул, – даже в Лас-Вегасе, не то что в Египте».

Когда наблюдатель передал, сколько же именно проиграл Сабагх, Саул решил: надо быстро ему кого-то подсунуть. Через ОГСРК он отправил срочное сообщение Кэрри с приказом: первым же рейсом лететь из Багдада в Каир и познакомиться с Сабагхом. (ОГСРК расшифровывалось как Объединенная глобальная сеть разведывательных коммуникаций; это был особый Интернет, канал ЦРУ для обмена сообщениями под грифом «Совершенно секретно».)

Кэрри в облегающем черном платье вошла в большой игорный зал, глядя на одного только Сабагха – теперь уже Кадиллака. Мельком посмотрела ему в глаза, а после скрытно проследовала за ним до номера, где генерал-полковник пытался решить финансовые проблемы при помощи бутылки русской водки, симпатичной украинской шлюхи, которую после выслали из страны, и девятимиллиметровой «беретты». Пистолет пришлось вынимать у Сабагха из

рук: разжимая палец за пальцем и до последнего не зная, в кого Сабагх – не дай бог! – выстрелит: в себя или в нее, Кэрри.

На следующий день она отправила Кадиллака в Дамаск, предварительно оплатив игорные долги и снабдив чемоданчиком с десятью тысячами долларов из американского бюджета. Следующие полгода, пока Амина одевалась в тряпки «Диор» и, что еще важнее, купалась в милости Асмы, ЦРУ стабильно получало из Сирии информацию, каждый фрагмент которой был на вес золота. Кадиллак и правда стал самым ценным информатором.

Уолден еще раз перечитал досье.

– Так значит, Кадиллак сказал то-то и то-то, а спутник засек дом в Эль-Атибе, восточном пригороде Дамаска? Это не «Хезболла»? Народный фронт освобождения Палестины? «Хамас»? Бабушка президента Асада? Дом может принадлежать кому угодно.

– Мы два месяца следили за ним со спутника и глазами местной команды, – вмешалась Кэрри. – Я сама две недели проторчала неподалеку, в макбасе*, пекарне, прикидывалась черкесской. Вы удивитесь, сколько всего можно узнать, если надеть* абайю *и послушать приходящих за хлебом женщин. В доме от пятнадцати до двадцати человек, с семьями. Полиция на ту улицу не суется, головорезы президента Асада обходят ее стороной. И это в самой параноидальной на Ближнем Востоке стране, где правит военно-религиозный клан. Это же более чем странно! Как вы не поймете?*

– Инфракрасная съемка со спутника подтверждает число людей внутри дома, – добавил Саул.

– Жильцы выходят только на рынок или в мечеть, – продолжила Кэрри. – К дому не подходят телефонные линии, нет связи с Интернетом, никто не звонит по сотовым. Все возможные контакты с внешним миром происходят в мечети или на рынке.

– Все равно ничего не понимаю, – ответил Уолден. – С какой стати Асаду, алиду, связанному с «Хезболлой» и иранской разведкой, укрывать Абу Назира, главу «Армии освобождения исламского народа»? Сунниты – против шиитов. Они заклятые враги. Ненавидят друг друга.

– Абу Назир укрылся в Сирии, потому что эта страна ближе к Ираку, – объяснила Кэрри, – и там мы стали бы искать его в последнюю очередь. К тому же ему надо было срочно убраться из Анбара, ведь мы его почти настигли. Асад, мы думаем, согласился укрыть Абу Назира, потому что в благодарность лидер иракской «Аль-Каиды» сдержит суннитов в Сирии, не даст им завершить то, ради чего они гибнут, – покушения на самого Асада.

– Откуда знаете? Кадиллак передал?

Кэрри кивнула.

– Тогда забудьте о рейде, пошлем беспилотник. Так проще и безопаснее. Сровняем убежище с землей. Абу Назиру конец, а с нас взятки гладки. И точка.

Саул подался к Уолдену через стол.

– Мы ведь это уже проходили, Билл. Из трупа инфу не вытянешь. Нам нужна группа специального назначения. – Саул просил выделить команду бойцов для особо рискованных миссий.

– Если взорвать Абу Назира ракетой, моджахеды заявят, что он все еще жив, – добавила Кэрри. – Мертвый, он станет еще опасней. На прошлой неделе бомбист-смертник Абу Назира в Хадисе заманил к лотку со сладостями детей, когда те шли в школу, и взорвал себя вместе с ними. Куски трупов раскидало по всей округе. Так что соглашайтесь уже, черт подери! Пока эта сволочь опять не сбежала.

– Двадцать семь минут до высадки, – перекрикивая шум вертолета, сказал Крис Гленн, командир отряда.

Он считал, что шансы у них аховые: моджахедов, скорее всего, небольшая армия, а их, спецназовцев – две команды по десять человек, итого двадцать душ плюс оперативница ЦРУ,

Кэрри. Единственное их преимущество – элемент неожиданности, да и то – нападешь, и через полминуты его как не бывало. Разве что получится бесшумно нейтрализовать охрану. Кэрри ключом к успеху считала план… и верность догадки.

Оставался еще момент, который Гленн хотел прояснить: инфракрасная съемка со спутника показала, что под домом есть нечто вроде погреба. Там что-то прятали. Или кого-то. Может, даже группу людей.

– Смотрим в оба, парни, никто не должен уйти. Идем без света, тихо. Чтобы никто даже пернуть не смел, – говорил Гленн. Подсев к Кэрри, он спросил: – Точно идете, Мингус?

По ее же просьбе, Кэрри дали позывной «Мингус», в честь известного джазового контрабасиста Чарльза Мингуса. Все знали, что Кэрри на джазе просто помешана. На базе это даже стало предметом для шуточек.

– Да, все хорошо, – ответила Кэрри. – Свой зад берегите, Джейбёрд.

Кэрри впилась пальцами себе в колени, чтобы никто не заметил, как дрожат у нее руки. Два дня без лекарства. С катушек слететь не давало только адреналиновое опьянение. Кэрри тряхнула головой, чтобы прояснить мысли.

Гленн вместе с пулеметчиком открыли люк, и в кабину ворвался ветер. Надев ПНВ, Кэрри разглядела внизу чахлый кустарник, что проносился под брюхом вертолета, едва не касаясь ее ног.

До Сирии планировали добраться за час, на земле провести максимум сорок пять минут и за час же вернуться на базу. Итого на операцию отвели два часа сорок пять минут. Закончить ее надеялись до рассвета, прежде чем сирийская армия сообразит, что к чему. Когда команды вернутся в Ирак, администрация Белого дома будет отрицать причастность американских солдат к нападению, ведь, кроме кучки трупов, в убежище не останется никаких следов.

Если инфа Кадиллака верна – а до сих пор он сливал достоверные сведения, – Абу Назир окажется или в камере для допросов, или в земле.

– Десять минут, – объявил Гленн. – Всем надеть ПНВ.

Один за другим бойцы надели приборы ночного видения, поправили шлемы и включили переговорные устройства. Разговаривали мало.

Неделями они отрабатывали штурм на объекте в пустыне близ базы Дельта. Каждому члену команды отвели определенную роль, и каждый был готов прикрывать товарищей. Залогом успеха считали скорость и тишину. В команду набрали исключительно боевых ветеранов, лучших из лучших, в отменной физической форме; все они тренировались и оттачивали навыки на пределе и за пределами возможностей, как раз для такой миссии.

– Пять минут до цели, – прокричал пилот.

– Переводчики огня на «автоматический», – скомандовал Гленн, и бойцы защелкали предохранителями. Спецназовцы разминали ноги, готовясь к выходу.

Кэрри выглянула в люк: в зеленоватом свечении линз она разглядела разбросанные по пустыне домишки и небольшие фермы. Тут жили бедняки, которым де́ла не было до внешнего мира, до Сирии; которые совсем не радовались визитам агентов ГУБ, жестокой сирийской разведки. Если Абу Назир и правда скрывается здесь, он угадал с местом.

Кэрри последний раз глянула на часы: 1:56 по местному времени.

– Три минуты. Всем приготовиться к высадке.

Бойцы развернулись к выходам по обеим сторонам салона. Кэрри пристально вглядывалась во тьму.

И тут она увидела: дом, милях в двух впереди. Тот самый? В окнах – свет. Свет? В два ночи? Какого черта?! Зажглись еще окна, и вот уже осветился весь дом. Господи, Кэрри завела отряд в ловушку! Придется прорываться с боем.

Горело и уличное освещение. Не может быть! Наблюдение со спутника показало: в этой части Эль-Атибы фонари не зажигаются. Местные власти будто намеренно забросили район.

Выходит, наводка липовая. Кадиллак соврал, или соврали ему. Это все вина Кэрри, из-за нее погибнут люди. Она лихорадочно озиралась по сторонам, пытаясь придумать, как пилотам отвести машины назад, как уйти, но вертушки летели чересчур низко. Они слишком быстро приближались к цели. Вот «Блэкхоки» перелетели через заборы, увенчанные колючей проволокой, и в облаке пыли приземлились на внутреннем дворе.

– Пошел, пошел! – прошипел Гленн, похлопав Кэрри по спине, и она чуть не вывалилась из вертолета.

Спрыгнув на землю, заметила, как мимо проносятся спецназовцы. Каждый нерв в ее теле звенел от напряжения; Кэрри ждала, что вот-вот рванет мина или граната, что из дома выбегут моджахеды с автоматами наперевес. Внутренний двор превратился в размытую зеленую картину, уличные огни – в мазки как на картине Ван Гога.

Кэрри пристроилась следом за Гленном. Командир несся к дому, вскинув карабин.

Эль-Атиба, Сирия

12 апреля, 2009 года

Время: 23:31 (за два часа до рейда)

Броуди вспоминал Бетлехем, ночь, когда они с Джессикой первый раз переспали. Она тогда училась в десятом классе, он – в одиннадцатом. Броуди играл за школьную футбольную команду, качался до посинения. Да и что ему оставалось, сыну старшего уорент-офицера второго разряда Мэриона Броуди по прозвищу Ганнер. Броуди-младший не мог не стать превосходным атлетом… иначе б папаня вышиб из него дурь.

Броуди и Джессика условились встретиться возле «Брю», что на углу Броад и Мейн-стрит; на деревьях уже развесили рождественские гирлянды, на заснеженных улицах бурлила толпа, все ждали, когда зажгут большую звезду на Южной горе. Свет от нее можно было видеть во всей долине Лихай.

Джессика была самой красивой девчонкой в школе. Самой красивой девчонкой в жизни Броуди. Однако его не просто влекло к ней физически. Он видел в Джесс нечто этакое… Не просто похоть, что вы! Джесс переполняло любопытство, желание. Да, именно так: Броуди разглядел в ней страстную женщину.

Он понимал, что нравится Джессике, которая не просто хотела отдаться ему. Да, целовалась она охотно: закрыв глаза и чуть выпятив грудь; казалось бы, мни не хочу. Броуди, однако, не спешил лапать ее за сиськи. Ведь она, старшеклассница-католичка, дожидалась чего-то иного.

Ждал и Броуди. Секс – это, конечно, прикольно, но главное – он догадался: если такая безумная девчонка, как Джессика, в тебя влюбится, то готова будет вместе с тобой сигануть на полной скорости в машине с обрыва. А ведь нечто подобное в скором времени и предстояло Броуди-младшему. Пуще, чем в Господа, в силу денег, да и во что бы то ни было, он верил: если остаться дома, старик его прибьет… или он сам прибьет батю.

Наконец он увидел ее: Джессика шла по грязному снегу на Броад-стрит, в компании подружек Эммы и Оливии. На ней был красный шарф, щеки разрумянились на декабрьском морозце. Девчонки заулыбались и принялись пихать друг дружку локотками, завидев его, Броуди, и Майка. Да, Майк тоже пришел. Лучший друг Броуди Майк Фабер, он следовал за Броуди тенью с тех самых пор, как семья последнего въехала на второй этаж дуплекса на Гепп-стрит.

Они переехали в Бетлехем, когда ему было семь лет, потому что отцу дали работу на сталелитейном заводе; Ганнер Броуди, наверное, единственный во всем штате Пенсильвания не знал: через год-другой завод закроется. Вот только кадровому офицеру, морпеху Мэриону Броуди выбирать не приходилось: в его смену в учебке рванул снаряд для ротного

миномета «М224», погиб зеленый новобранец, началось расследование. В крови Ганнера обнаружили алкоголь. Корпус морской пехоты встал перед непростым выбором: либо отдать под трибунал увешанного медалями ветерана, либо досрочно услать его с почетом на пенсию, но уже без выходного пособия, на которое он так рассчитывал. И вот семья Ника переехала из Мохаве, где он и родился, в Пенсильванию.

Если что и получается у морпеха лучше всего, так это разведка территории. Прошло всего двенадцать минут с переезда, а Ганнер скупил все в винной лавке на углу Гепп и Линден-стрит. Еще через час Майк застал Ника сидящим на корточках под лестницей на заднем дворе дуплекса: нос расквашен, губа разбита, ребра помяты. «Я Майк, – поздоровался он. – Живу через улицу. Идем ко мне в гости? У меня есть "Нинтендо". Играешь в "Супербратья Марио"?»

Ник Броуди взглянул на него как на инопланетянина.

– У тебя кровь, – заметил Майк.

– С лестницы упал.

– Ага, – кивнул Майк, похлопав его по плечу. Так двое пацанов и сдружились. – Тут недалеко одна девчонка живет, – говорил Майк, когда они переходили улицу. – Роксана, но все зовут ее Рио-Рита. Иногда она забывает опустить занавески на окнах и сверкает задом, надевая лифчик.

– Черт, неужели Рождество на дворе? – сказала Оливия. Девушки присоединились к парням, в ожидании, когда зажгут звезду.

Прогулка закончилась дома у Оливии. Из родительского бара та достала бутылку виски «Джей-эн-Би»; играла музыка: Уитни Хьюстон и Джанет Джексон; Броуди и Джессика незаметно остались вдвоем: в спальне сестры Оливии, на узкой кровати, целуясь так, будто не могли иначе выразить и утолить желание. Джессика задрала юбку, сказав: «Ой, я трусики не надела». Вынула из сумочки презерватив «Троян». Заранее все продумала.

Как они горели от возбуждения, как прекрасна была Джессика в косых лучиках света, падающих из-за жалюзи на окнах, какая нежная была у нее кожа… А потом зажегся ослепительный свет, и Броуди растолкали.

Сперва он решил, что вернулся в дом на Гепп-стрит, и что это Ганнер Броуди трясет его с криками: «Думал, я не найду твой дневник с двойками, слизняк?!». Но это пришел его тюремщик Афзаль Хамид. Он тряс Броуди, шипя: «Просыпайся, ты, кусок американского дерьма! Знаешь, что случилось? Еще как знаешь. Из-за тебя нам пора уходить. Из-за тебя, безродный подонок».

– В чем дело? – спросил Броуди.

– Сам знаешь, ублюдок, – ответил охранник, освободив его от цепей и бросив ему одежду. – Из-за тебя мы уходим. Свинорылый сын шлюхи!

На минуту все снова стало как тогда, шесть лет назад. Броуди только пленили, его избивали до полусмерти. Еще несломленный, Броуди, плюясь кровью, кричал в ответ на Афзаля: «И это удар? Бьешь как девчонка, моджахед сраный! Да мой папаша ремнем стегал меня сильнее. Бухой, он любил делать из меня мужика. И так каждый день, сукин ты сын. Каждый день! Давай, сильнее! Бей, бей меня круче! Круче! Сильнее!!!».

– Ты что телишься? – спросил у Афзаля Далиль, другой охранник. – Нам пора. Одень его.

Броуди уже поднаторел в арабском и худо-бедно понимал речь тюремщиков.

– Мы не закончили, – прошипел Афзаль, поднимая Броуди. – Сперва уедем отсюда, но сегодня – клянусь – сегодня ты умрешь, американец.

Броуди наскоро оделся и умылся. Афзаль все это время подгонял его со словами:

– Можешь дурачить остальных, но не меня. Никакой ты не мусульманин, Николас Броуди. Больше ты нам хлопот не доставишь.

Так что же стряслось? Все кругом суетились, собирая пожитки: одежду, мебель, горшки, постельное белье, ноутбуки, оружие, взрывчатку – и грузили в припаркованный на улице караван из пикапов и внедорожников. В доме горели огни. Что могло растревожить этот улей, да еще посреди ночи?

– *Ahjilah! Ahjilah*! – торопили арабы друг друга. (Скорее, скорей!). Мужчины, женщины, дети… Уходить собирались все.

В последнюю минуту пришел Абу Назир, и жильцы дома наскоро позавтракали в общей комнате горячим чаем и лепешками. Кто-то собрался мыть посуду, но Абу Назир остановил его, велев бросить утварь, и направился к внедорожнику во главе каравана. С Броуди остались Афзаль и Далиль.

Броуди подвели к внедорожнику; Афзаль приставил ему к голове пистолет, велел развернуться спиной. Далиль связал ему руки пластиковыми ремнями. Даже посреди ночи во дворе было светло как днем – от горящих фар автомобилей. Из окон соседних домов выглядывали любопытные.

– Без ремней точно никак, Афзаль? – через плечо спросил Броуди. – Я ведь даже не знаю, где я.

Афзаль молча надел ему на голову черный мешок.

– Помогите мне с этим неверным, – крикнул Афзаль; Броуди тут же оторвали от земли и сунули в машину, уложив на бок. Запихнули в багажник. Крышку захлопнули, и в лицо больно ударила волна сжатого воздуха. В ушах зазвенело, голова закружилась как при сотрясении. С мешком на голове, ослепленный, Броуди вроде даже вырубился на секунду или две.

Внедорожник тронулся с места, запахло выхлопными газами. Машина поехала улицами города. Что-то подсказывало Броуди: на сей раз никто Афзаля сдерживать не собирается. Почему? Что изменилось? От чего все бегут? Впрочем, куда бы ни собирались тюремщики, сам он для них бесполезен, как мертвый груз, тащить который – непозволительная роскошь. Теперь Броуди точно убьют. Впрочем, ему не привыкать.

В жизни под одной крышей с Ганнером – на лезвии ножа – самым страшным для Ника было осознание собственной трусости. Об этом он никому, кроме Джессики, не рассказывал, а если и не сказал бы, она ни о чем бы не догадалась. От страха избавиться не помогало ничто: ни армия, ни военная база Пэррис-Айленд, ни Ирак, ни сражения…

О том, кто он есть, Ник Броуди узнал в ночь, когда ему исполнилось двенадцать. Отец подарил настоящий «Би-эм-икс», и на несколько минут Ник поверил, будто семья у них полноценная.

– Ну, кто лучший в мире отец? – спросил Ганнер, вручая велосипед сыну.

– Ты, пап, – ответил Ник, от души желая, чтобы так было взаправду. Потом заметил в глазах отца угрожающий блеск и добавил: – Сэр.

Отец настаивал, чтобы к нему и дома обращались как к офицеру.

На третью ночь Ганнер, мертвецки пьяный, уснул за столом, так и не разобрав табельное оружие: пистолет калибра.45 и набор для чистки и смазки лежали рядом. Отец уронил голову на столешницу, открыв рот и роняя слюну. Мать Броуди Сибил как обычно заперлась в спальне и лежала под одеялом, сжавшись в комочек, точно улитка, в самом углу – лишь бы оказаться подальше от мужа.

Ганнер Броуди праздновал шестую неделю безработицы, пропивая пособие по увольнению. («Мне обещали: будет работа, что бы ни случилось! – орал он лучшему другу, бутылке бурбона. – У меня Серебряная звезда, а что они в своей жизни сделали, эти дрочилы? Они же обещали!») Перед тем, как вырубиться, он избил жену, приговаривая, дескать, не забеременей она сраным морпешиком, он не попал бы в такой переплет.

Ник, потеряв терпение, взял в кладовке бейсбольную биту и зашел к отцу сзади, ударил по спине. Ганнер Броуди взревел от боли. Пнул сына в пах, добавил удар локтем по голове и свалил на пол.

– На отца! Руку поднял! – кричал он. – Ударил офицера! Сволота мелкая! Ну, я тебе покажу!..

Схватив сына за волосы, он принялся колотить его головой о пол.

– Ганнер, прекрати! Убьешь ведь! Хватит! Убьешь! Это же твой сын! – вопила мать. – Мэрион, тебя посадят! Ты этого хочешь? Бога ради, прекрати! О, Дева Мария, Пресвятая Богородица!..

– Ты не понимаешь, червяк, – сказал Ганнер побитому сыну. – Вот когда ее бьешь, она балдеет.

Позднее, той же ночью Ник Броуди резко проснулся. На цыпочках прокрался в кухню и там застал отца: мертвецки пьяный, тот спал головой на столе, а рядом лежали заряженный пистолет калибра.45 и набор для чистки и смазки. Целых девять минут Ник Броуди, в одних трусах, стоял и не мог спустить курок. Он удерживал пистолет обеими руками, в каких-то трех дюймах от головы Ганнера…

Так он позднее рассказывал Джессике.

– Ненавижу его, – признавался он через несколько лет, когда они вдвоем возвращались с занятий по Сентр-стрит, тихой аллее, что начиналась сразу у школы. – Ненавижу его больше всех, эту сволочь. Чтоб он сдох. Я не знаю, как еще спасти себя и маму, Джесс. Я ведь почти спустил курок. Богом клянусь. Руки у меня дрожали, еще бы чуть-чуть… и все, пистолет бы выстрелил. Просто я не сумел. Сам не знаю почему! – прокричал он и побежал со всех ног к реке. Джессика устремилась следом, крича на ходу: «Броуди! Погоди! Стой!»

Где-то через два квартала он остановился на тротуаре перед чьим-то домом. Настоящим домом: с лужайкой, белыми колоннами – его будто перенесли сюда из другого мира. На Джессику Броуди старался не смотреть.

– Я трус, – сказал он, осознав наконец правду. Надо, надо было спустить курок. Больше такого шанса не представится.

– Просто ты добрый и хороший человек, Броуди, – обняла его Джессика. – Ты не хотел разрушить свою жизнь. Тебе же было тогда всего двенадцать.

Взявшись за руки, они пошли по аллее вдоль реки Лихай. Броуди понравилось, что Джессика считает его добрым и хорошим. Пусть она даже и ошибалась.

Правду показали те злополучные девять минут.

Догадался, правда, еще и Афзаль Хамид, эта сволочь, террорист.

Голова кружилась, Броуди утратил чувство реальности. В какой-то момент ему почудился отдаленный стрекот вертолетных лопастей. Неужели?! «Блэкхоки»! Да нет, откуда им тут взяться?

Должно быть, галлюцинации… Броуди попытался сосредоточиться и рассуждать трезво. Куда они едут? Зачем? Как выбраться из багажника? Ехали долго. Дороге, казалось, не будет конца.

И тут он услышал разговор: моджахеды обсуждали его, Броуди.

– …что с американцем, Афзаль?

– Заткнись, брат.

– Он правоверный, молится вместе с нами…

– Твою мать! Он американец. Человек креста. Притворяется мусульманином.

– Что же мы его берегли все это время?

– У него свои соображения, – ответил Афзаль. Он явно имел в виду Абу Назира. – У него всегда и на все есть причины.

Понятно: на сей раз Афзаль грозил не впустую, он сдержит слово и убьет Броуди. Вот только зачем было брать его с собой?

Да просто нельзя оставлять труп: рыжий, бледный, с типичным американским лицом – он явно вызовет подозрения. Лучше грохнуть пленника и закопать где-нибудь посреди пустыни, как Тома Уокера. Сослуживца Броуди и напарника, такого же разведчика-снайпера. «Господи, Том! Я же не хотел! Мне сказали: “Врежь ему! Врежь еще, еще и еще…” И Броуди бил его, Тома, и кричал: «Прости, Том, прости. Боже, спаси, Боже мой!». Броуди мутузил напарника, пока не сбил кулаки. Пока Том Уокер не умер.

Пришел его черед умирать. По дороге Броуди уяснил еще кое-что: в багажнике внедорожника можно не только трястись на ухабах и вдыхать запах бензина. Можно еще и заснуть, пускай тебе и остались считаные часы или даже минуты. Броуди проснулся, лишь когда машина остановилась. Моджахеды открыли крышку багажника, и мысленно Броуди попрощался: «Прости, Джесс. Я держался как мог. Шесть лет в плену… Я правда старался».

– Вылезай! – рявкнул Афзаль.

Его вытащили из багажника и, упавшего на колени, вздернули на ноги. Сняли мешок с головы. Броуди прищурился на яркий свет.

Ночь миновала. Внедорожник остановился ярдах в двухстах от бетонной дороги посреди пустыни. Конвоя не было, они остались одни.

Афзаль снова поставил Броуди на колени и вынул пистолет.

– Ну все, тебе конец, – произнес он.

– Можно мне произнести *шахаду*? – спросил Броуди, поднимая взгляд. Кругом лежала абсолютно голая пустыня. Едва взошедшее из-за дюн солнце окрасило ее в золотой. Золотым окрасились даже лица тех, кто готовился убить Броуди. «О Аллах, – подумал он, – этот мир так прекрасен».

– Пусть, – сказал Афзалю Далиль, – так положено.

Афзаль тем временем зашел Броуди за спину и приставил ему к затылку пистолет.

– *Ash-hadu an laa ilaaha illallah* – «Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха…». – *Wa ash-hadu anna Muhammadan rasulullah,* – «…и еще свидетельствую, что Мухаммед – Посланник Аллаха».

Закончив, Броуди приготовился к выстрелу. Он ждал, широко раскрыв глаза, любуясь напоследок рассветом.

Дамаск, Сирия

12 апреля 2009 года
Время: 02:09

Дом оказался пуст. Спецназовцы обыскали его, но не нашли ничего, кроме следов поспешного бегства: остатки еды, мятая одежда и пустые рожки от «АК-47».

– Глядите, Мингус, – позвал Малыш Ди, высокий техасец. Он проводил Кэрри в главную столовую, где стояли два длинных деревянных стола. Вручил ей скомканную местную газету. Хотя в большинстве своем спецназовцы немного говорили на арабском, Кэрри единственная умела на нем читать.

Она поднесла мятые листы к свету: «Аль-Бавада», дамасское издание, дневное. Конкретно этот номер вышел из печати вчера. Значит, Абу Назир или кто-то из его людей еще сутки назад были здесь.

В кухню прошел Гленн.

– Потрогайте, – сказал он Кэрри, указав на заварочный чайник. Он все еще был теплый, как и плита. – Мы чуть-чуть опоздали.

– Чуть-чуть? Это насколько?

– Часа на два, на три.

– Ну конечно: было темно, и они оставили свет включенным. Грузимся и взлетаем. Моджахедов человек пятнадцать-двадцать, плюс женщины и дети. Это целый караван: пикапы, легковушки, внедорожники. С воздуха точно заметим.

– Не выйдет, – покачал головой Гленн. – Кто-нибудь из соседей уже звонит в местную полицию. Время уходит, Мингус. Если преследовать караван беглецов по воздуху, придется взлететь повыше. Тогда нас точно засекут радары. ПВО поднимет в воздух истребители – БАХ! – все мы трупы. Мы легкая мишень для них. Вашингтону останется собирать нас по кусочкам.

Кэрри ничего не ответила, ее тошнило. Миссия провалилась.

– Хоть что-нибудь нашли? – спросила наконец она.

– Так, шмотки и предметы быта. Магазины для автоматов. Агитки «Братьев-мусульман» и «Аль-Каиды».

– Забираем все.

– Уже, – сказал Гленн. – Мы все тут прочесали мелкой гребенкой.

Время стремительно уходило, и потому Гленн не стал упоминать подвал – тот самый, что обнаружила съемка со спутника. Шесть на шесть футов, металлическая дверь, кандалы, цепи… Там явно держали пленника. Позднее Гленн упомянет подвал в отчете, но сейчас ему главнее было вывезти своих людей из Сирии.

– Пора исполнить классический военный маневр: убраться отсюда, к чертям собачьим, – добавил он.

«Не дело так карьеру заканчивать», – думала Кэрри, стоя посреди тускло освещенной кухни. Ее мутило, как от удара под дых. Мысли скакали в голове с бешеной скоростью – то ли от осознания полного провала, то ли от того, что Кэрри второй день обходилась без лекарства. Провал, причем далеко не маленький. Такой не замять, на тормозах не спустить. А ведь всего-то на пару часов опоздали!..

Как так получилось? Откуда Абу Назир узнал о рейде?

Гленн дал знак команде покинуть здание и грузиться по вертолетам. Машины во дворе уже прогревали моторы, лопасти начинали раскручиваться. Кэрри же метнулась в темный угол кухни, где лежала куча тряпья, и сменила боевое облачение на *абайю*[2], закрыв лицо и голову платком.

Пришлось перейти к запасному плану, который они с Саулом разработали на самый-самый крайний случай. На базу Кэрри не вернется.

Она принялась лихорадочно соображать. Кто предупредил Абу Назира? А ведь его точно предупредили и совсем недавно. Террористы ютились тут всей кодлой года два, не выходили на улицу, так почему они посреди ночи снялись с места и уехали – перед самым рейдом ЦРУ? Кто-то их предупредил, и этот «кто-то» для них – надежный источник.

Кадиллак? Может, он – двойной агент?

Возможно. Это ведь он дал наводку на Абу Назира… не зная, однако, что разведка с ней сделает. Короче, Кадиллака из списка подозреваемых можно вычеркнуть. Ему никто не говорил, когда и как ЦРУ распорядится инфой. Если кто и предупредил Абу Назира, то не Кадиллак. Это даже не в его интересах: Кэрри с легкой душой сольет его ГУБ, и Сабагх окончит свои дни, обливаясь потом, кровью и мочой в камере пыток, где его измордуют палачи Асада. И неважно, что Амина, жена Кадиллака, отоваривается в фирменных бутиках на па́ру с супругой самого президента.

[2] Традиционное длинное арабское платье.

Тогда… если не Кадиллак, то кто предупредил Абу Назира о назначенном на сегодня рейде?

Кто еще знал о предстоящей операции? Неужто в Эр-Рутбе проболтались? На базе Дельта? Или «крот» – в команде спецназа?

Вряд ли. Никто из ребят Гленна до прибытия на Дельту о цели не знал, а узнав, соблюдая стандартный протокол, не говорил о ней ни с кем, даже с другими членами команды, разве что в случае крайней необходимости. Дельта вообще отрезана от мира, стоит посреди пустыни. Нет, это не спецназовцы. Прибыв на базу, с местными они не общались – запрет на взаимодействие с аборигенами предусмотрен протоколом. К тому же, Саул и Перри обязательно посадят аналитиков проверять каждую секунду записи с камер наблюдения, так, на всякий случай.

Ладно, «крота» можно и потом вычислить. Сейчас время действовать. Мысленно подгоняя себя, Кэрри запихнула камуфляж в ранец.

Уже выбегая из дома, прикинула в уме: остаются Лэнгли и багдадское отделение. В Багдаде соблюдался режим строгой конспирации, Перри жестко ограничил круг посвященных. Хотя операцию вроде этой без должного координирования не провернешь. И все равно, число посвященных не превышает десяти человек: почти все американцы и парочка иракцев… среди которых Уарзер. Господи, не хватало еще Уарзера подозревать. Ему и так туго приходится, он пашет в качестве двойного агента – на нее и на иракское правительство, которое звереет день ото дня.

Выйдя во двор, под нагоняемый вертолетными лопастями ветер, Кэрри отдала Гленну ранец и наскоро нацарапанную записку. Сообщение предстояло передать через ОГСРК, из Эр-Рутбы. В нем были четыре цифры и три слова. Число представляло собой IP-адрес компьютера в Лэнгли, который невозможно было отследить; хакеры, попытавшись вычислить его местоположение, всякий раз получали бы смутные координаты в разнообразных точках мира. Сам компьютер принадлежал Саулу, и только с него можно будет прочесть зашифрованное послание из трех слов: «У нас утечка».

* * *

Спрятавшись в тени, Кэрри смотрела, как поднимаются вертолеты, как по очереди, погасив огни и едва не касаясь днищем крыш, темными силуэтами перелетают они через дома. В окнах соседних домов Кэрри заметила редких любопытных сирийцев, что следили за улетающими «вертушками».

Наконец, когда в черном беззвездном небе смолк гул моторов и когда закрылись окна, Кэрри осталась одна.

Выждав еще несколько минут и убедившись, что теперь ее точно никто не услышит и не увидит, Кэрри покинула укрытие и пошла прочь от дома. Ее шаги отдавались тихим эхом на пустой улице. Наконец, отдалившись от заброшенного строения на приличное расстояние, она спряталась за сараем на заднем дворе какого-то дома, рядом с курятником.

Она устала, но спать не могла. Тем временем даже цыплята в курятнике привыкли к ее присутствию и успокоились. В серых предрассветных сумерках Кэрри достала маленькое зеркальце и вставила себе карие контактные линзы. Затем выкрасила брови в темный цвет. Еще в Эр-Рутбе она начала пользоваться кремом для загара, чтобы кожа на лице и руках – больше ничего из-под *абайи* не видно – стала смуглой, а не покраснела как обычно.

Сразу после рассвета, когда пропели петухи и улицы начали потихоньку оживать, Кэрри выбралась из укрытия и на рынке купила корзину фруктов у фермера, только-только открывшего лавочку. Затем села на видавший виды микроавтобус и поехала на автовокзал. Там, вместе с группой арабок и местных студентов, подождала рейс в город. Для всех она была просто

арабкой, которая собралась куда-то по делам. Расстояние в двадцать миль до центрального автовокзала в Дамаске автобус покрыл за полтора часа.

Кэрри следовала запасному плану, который они с Саулом составили и обговорили на случай совершенно нежелательного поворота событий: если все пойдет наперекосяк.

От автостанции Кэрри на такси отправилась к площади Мучеников с бронзовой колонной и пальмами, в обрамлении дешевых гостиниц. Стараясь не привлекать внимания, быстрым шагом вернулась назад по собственным следам, обошла еще несколько кварталов, чтобы избавиться от возможного «хвоста». Убедившись, что слежки нет, Кэрри отправилась на явку – квартиру на последнем этаже в доме на улице Эн-Наср, в квартале от Дворца правосудия.

В убежище наконец умылась, сняла линзы и переоделась в джинсы и топ. (Слава богу, надобность в *абайе* отпала!) Из книги-сейфа вынула новые поддельные документы: водительские права, паспорт, визы с печатями – если кто проверит по базе данных сирийской иммиграционной службы или служб безопасности, там найдутся все необходимые отметки. Контора – как называли между собой агенты ЦРУ Управление – свое дело знает.

Кэрри теперь стала Джейн Мейерхофф, турагентом из «Мидвест континентал трэвел», фирмы из Цинциннати. Позвонив в отель «Шам Палас», она забронировала номер, а после оставила в тайнике сообщение для Кадиллака.

Сначала, впрочем, Кэрри с таксофона в табачной лавке позвонила ему на работу и оставила сообщение от капитана Махера Довайи с просьбой перезвонить, не уточнив при этом, по какому номеру. Это был срочный сигнал Кадиллаку, сообщающий: в течение двух часов нужно проверить тайник для связи.

Тайник располагался в ковровой лавке, в лабиринте Сук-эль-Хамидии, гигантского крытого базара, что граничил с легендарной мечетью Омейядов. Лавкой владел перевербованный Саулом агент «Моссада», одноногий сирийский курд по имени Орхан Барсани. Он целыми днями сидел в лавке, покуривая кальян с ароматом яблока и играя в *тавлу*, местные нарды, с другими торговцами – да и со всеми, кого удавалось втянуть. Если верить слухам, Барсани никогда не проигрывал.

* * *

И вот, сидя в кафе и попивая кофе с пахлавой, глядя на пешеходов и проезжающие мимо по улице Эн-Наср машины, Кэрри очень ясно поняла одну вещь: утечка сведений о тайной операции против «Аль-Каиды» случайно не происходит. Либо кто-то проболтался не вовремя, либо дела еще хуже.

В Управлении «крот».

Кэрри взяла такси и отправилась к Сук-эль-Хамидии. Там первым делом прошла мимо ковров – проверить, все ли чисто, – и вернулась. Орхан накинул на кресло старый желтый курдский ковер, значит, заходить можно. Кэрри заглянула в лавку.

Орхан играл в *тавлу* с усатым сирийским бизнесменом: пряча глаза за темными очками, тот дымил сигаретой. Орхан бросил кости и сделал ход. При виде Кэрри он поднялся и показал на желтый ковер.

– Мадам, такая красивая женщина, – произнес он по-английски, с акцентом. – Смотрите, настоящий курдский ковер. Биджар, ручной работы, высочайшего качества. Позвольте, я покажу изнанку, сами увидите узелки и поймете, что работа и правда ручная.

Он перевернул ковер.

– Какая прелесть, – ответила Кэрри. – Один мой друг любит такие вещи, – добавила она, надеясь, что Орхан поймет: речь о Кадиллаке.

Владелец лавки взглядом дал понять, что Кадиллак не приходил. Пока еще не приходил.

– Прошу, присаживайтесь, – сделал он приглашающий жест, – дражайшая прекрасная мадам, леди. Не хотите чаю? Может, кофе? Охлажденного сока?

Кэрри села спиной к бизнесмену и, оглядев улицу перед лавкой, незаметно опустила в медный кувшин под столом черную флешку.

Минуты две спустя, несмотря на заверения Орхана: «У нас так много ковров, дражайшая леди, чистейшие исфаханы, так много…» – она покинула лавку. Курд только пожал плечами и вернулся к игре.

* * *

Вечером, вернувшись на явку, Кэрри устроилась у окна за плотными занавесками и в бинокль следила за кафе через дорогу. Прямо сейчас ей хотелось отменить назначенную встречу. На флешке, которую она спрятала в кувшине, содержалось несколько видео-файлов о собачках и детях. Посторонний, просмотрев их, не нашел бы ровным счетом ничего. Однако внутри одного из роликов Кэрри спрятала вордовский документ, который можно было открыть лишь при помощи специальной программы. У Кадиллака такая прога имелась, и в документе ему предстояло найти инструкции: явиться на встречу в кафе. Он даже не подозревал, что встреча состоится через улицу от явки ЦРУ.

Кэрри назначила время в 19.15 и присовокупила кодовую фразу: «Видел вашего кузена Абдулкадера на футбольном матче “Аль-Джаиш” – “Аль-Хория”. Словосочетание «кузен Абдулкадер» означало «чрезвычайно срочно». На всякий случай Кэрри отправила Кадиллаку электронное письмо с подробностями игры, от имени мифического кузена, и дала название кафе на улице Эн-Наср.

Место встречи она выбрала с таким расчетом, чтобы можно было следить за ним из укрытия; работа на территории Сирии всегда была невероятно опасной, еще даже до провала операции накануне. «Спокойно, – говорила себе Кэрри, наблюдая за посетителями кафе. – Как-никак, ты теперь одна, в “красной зоне”».

Кэрри последний раз глянула на часы: 20:21. Мало того, что Кадиллак не пришел, так еще и не выяснишь, можно на него рассчитывать или нет.

Игра окончена. Надо отписаться Саулу и вернуться в номер отеля, шикарного «Шам Палас». Однако и это – задача не из простых. В Сирии вообще все непросто.

Кэрри схватила жакет и сумку. Повинуясь внезапному импульсу, она решила заглянуть в кафе: вдруг Кадиллак прислал вместо себя кого-то другого.

Эта затея чуть не стоила ей жизни.

По длинной улице она проследовала через весь квартал, до угла рядом с Дворцом правосудия и перешла на противоположную сторону улицы Эн-Наср. Хотела уже двинуться в обратном направлении, в сторону кафе, но тут мимо промчалось два черных внедорожника. Замерев на месте, Кэрри быстро огляделась и метнулась к ближайшей витрине, притворилась, что разглядывает товар – мужскую обувь.

Обе «тойоты» затормозили у входа в кафе. Из салона первой на тротуар выбросили тело мужчины; раздался женский крик. Из второй выбрались четверо в костюмах.

Прикрикивая на посетителей, они принялись проверять у всех подряд документы. Юноша в ветровке вскочил из-за столика и бросился наутек, но его ранил в ногу один из агентов. Студента схватили и вместе с женщиной, с которой он сидел за столиком, затолкали в переднюю машину. Агенты забрались назад во вторую «тойоту», и внедорожники поехали прочь.

Никто и слова не сказал. Это же Сирия.

Посетители спешно покинули заведение. Хозяин велел работникам занести столы и стулья внутрь и закрыл двери. К телу на дороге никто не подходил, машины объезжали его.

Кэрри осторожно направилась в сторону кафе, поглядывая по дороге, нет ли поблизости камер наблюдения, не смотрит ли кто за ней из окон или дверей близлежащих домов. Она сильно рисковала, но выбора не было: критическая отметка пройдена, и в Лэнгли захотят узнать все, в том числе и личность погибшего.

Ну, еще несколько шагов. Хотя бы мельком увидеть лицо трупа… Кэрри стреляла взглядом по сторонам. Ее точно кто-то да видел.

Мертвый лежал на боку, вытянув перед собой руки – будто просил милостыни. В темноте его лица не было видно, но вот мимо проехало такси, и свет фар на мгновение выхватил его из темноты. Кэрри успела ясно все разглядеть.

Кадиллак, Мосаб Сабагх, ее агент. Лицо ему прижигали сигаретами, с пальцами на руках тоже сотворили что-то страшное… Спилили ногти? Боже! Отрезали кончики пальцев!

Кэрри замутило. Нужно было как можно быстрее убраться подальше от кафе, от трупа. Перед глазами все плыло, свет и тени сливались. Если где-то поблизости агенты ГУБ, они могут схватить Кэрри в любой момент.

Заметив объезжающее труп такси, Кэрри взмахом руки остановила машину. Творилось нечто невероятное, она будто спала и видела сон: посреди улицы лежит мертвец, а люди ведут себя как ни в чем не бывало. Все боялись. Сама Кэрри да и водитель делали вид, будто никого не убили и ничего не случилось.

Кэрри забралась в салон и попросила отвезти ее к ресторану «У Лейлы».

– Хорошо, мадам, – ответил таксист.

«У Лейлы» – популярный ресторан в Старом городе, с видом на мечеть Омейядов. В тот момент, правда, Кэрри было глубоко плевать на само заведение. Она торопилась связаться с Саулом, и решила, что по запруженным толпами людей узким улочкам Старого города водитель будет ехать долго.

И хотя дорога до ресторана могла занять с полчаса, у Кэрри на звонок имелось всего минуты три-четыре. Потом ее засекут ГУБ и сирийская военная разведка, запеленгуют сотовый и еще минуты через две-три возьмут Кэрри в оборот.

Сирийские безопасники, военные и разведчики отслеживали все звонки – обычные и сотовые, – а так же сообщения в интернете, особенно международные. Перехватив звонок Кэрри, они забьют тревогу, ведь исходящий сигнал запеленгуют недалеко от тела Кадиллака и расшифровать его обычными средствами не смогут. Моментально сообразят, что тут работает иностранная разведка, то есть – так уж устроены мозги у сирийцев – ЦРУ или «Моссад».

Агенты ГУБ толпой ринутся на сигнал ее телефона. Вопрос в том, как быстро сработают.

Кэрри нужно было провернуть простенький трюк: передать сообщение быстро, не называя имен, а после сразу, не доезжая до ресторана, избавиться от симки.

Кэрри набрала номер Саула и, мысленно поторапливая его, стала ждать, когда снимут трубку. Глянула на часы: на Восточном побережье сейчас 14:45, значит, Саул, по идее, в офисе. Наконец трубку сняли.

– Привет, это я, – сказала Кэрри. Времени на пароли-отзывы не осталось. Она лишь надеялась, что ее узнают по голосу.

– Получил сообщение. Ты как? – Это Саул, его голос. Слава тебе, господи! Просто услышав начальника, Кэрри первый раз с момента, как «Блэкхоки» поднялись в воздух с базы Дельта, испытала облегчение. Выходит, Гленн благополучно передал послание, и Саул знает об утечке.

– Все хорошо, я в Дамаске, тут здорово, – выпалила Кэрри, чуть не задохнувшись на последних словах. Быстрее, быстрее! Сирийцы засекут звонок скорей, чем можно рассчитывать. Неизвестно, что успели вытянуть из Кадиллака, а ведь остается еще Орхан. Господи, Орхан!..

– Я что-то за машину переживаю, – сказал Саул. Ага, это он про Кадиллака.

– И правильно, с ней все плохо: вряд ли тачка останется на ходу.

– Вот как? – Саула новость шокировала. Сперва проваленная операция в Эль-Атибе, теперь смерть Кадиллака. Назревает полная катастрофа. Неужели сеть слили? Как незаметно для сирийцев – если они уже расшифровали передачу – сообщить это Саулу?

– Помнишь прошлое Рождество? – спросила Кэрри. Саул тогда прилетел в Багдад, и все они: Кэрри, Перри, Уарзер и еще несколько ключевых сотрудников – собрались у него в номере отеля «Ар-Рашид», что в «Зеленой зоне». Нализались скотча, мартини с водкой «Русский стандарт» и, закусывая спиртное печеньем «Миссис Филдс», травили байки.

Когда пришел черед Саула, он рассказал, каково было расти сыном единственной в Каллиопе, что в штате Индиана, ортодоксальной иудейской семьи. На Рождество лишь в их доме не наряжали елку, не развешивали гирлянд, не дарили подарков; а когда родители спали, маленький Саул тайком пробирался в гостиную и смотрел по телевизору черно-белый фильм «Рождественская история».

– Фильм, о котором ты рассказал. Помнишь в нем первые слова? – Ну же, Саул, вспоминай. Первые слова в этом фильме по Диккенсу: «Начать с того, что Марли был мертв»[3]. – Вот так и обстоят дела.

Господи, только бы он понял намек.

Некоторое время Саул не отвечал. Кэрри мысленно торопила его: ну же, не молчи, скажи что-нибудь. Время таяло, и с каждой уходящей секундой ей представлялось, как со всех сторон такси окружают черные внедорожники ГУБ.

– Ты уверена? – Есть, Саул понял! Какой же он умница. За это Кэрри его обожала.

– На тысячу процентов, – мрачно ответила она, стараясь не думать о трупе Кадиллака, о том, что сотворили с ним безопасники. О том, что могли сотворить с ней.

– Почему так вышло? Есть соображения? – спросил Саул.

В том-то и дело, что, кроме соображений, у Кэрри ничего, никаких данных. Саул спрашивал: не заметила ли Кэрри что-то или кого-то, тогда как она уже догадалась: покинутое прибежище Абу Назира и смерть Кадиллака – не совпадения. Дело не в команде спецназа, они к смерти Кадиллака отношения не имеют. Объяснение может быть только одно.

– Мне кажется, машину повредили животные. – Давай, Саул, я тут сама по себе, и наших убивают. Неужто непонятно? В управлении завелся «крот». Мохнатый зверек, который любит рыть ходы под землей, сволочь такая, пожиратель червей несчастный.

– У меня те же мысли, – сказал наконец Саул. – Тебе лучше найти другой транспорт, не задерживайся.

Отлично, Саул разделяет ее подозрения, и еще он приказал убираться, к чертям, из Сирии. Чем скорее, тем лучше.

– Хорошо, только проверю еще кое-что, – ответила Кэрри. Надо было заглянуть к Орхану.

– Будь осторожна, – сказал Саул и повесил трубку.

Кэрри глянула на часы: разговор длился четыре минуты. Черт, затянула. ГУБ засек ее, как пить дать. В любой момент догонит такси. Дрожащими пальцами Кэрри вскрыла телефон и только с третьей попытки сумела выковырять симку.

Ну же, Кэрри, соберись, сосредоточься.

Окно с ее стороны было приспущено. Кэрри глянула в зеркало заднего вида – водитель следил за ней.

– Смотрите на дорогу, пожалуйста, – сказала она, и таксист отвернулся. Тогда Кэрри огляделась: кругом старые постройки; крыши, точно грибами, облеплены гроздьями спутниковых тарелок. Несмотря на поздний час, улицы полнились транспортом.

---

[3] Ч. Диккенс, «Рождественская история» (*пер. с англ. Т. Озерской*).

Убедившись, что водитель не следит за ней, Кэрри выбросила в окно симку. Впереди она уже видела купол и минареты мечети Омейядов.

– Я передумала, – сказала Кэрри таксисту. – Отвезите меня в «Нарандж».

– «Нарандж», мадам? На Прямой улице? – «Нарандж» – известный ресторан, а Прямая улица – старейшая в Дамаске, если не во всем мире. Она даже в Библии упоминается.

– Да, – подтвердила Кэрри. – Обогните мечеть.

– Мадам, лучше будет, если я прямо сейчас развернусь и поеду в обратную сторону.

«Да, и так мы попадем в лапы ГУБ».

Нервы звенели перетянутыми струнами. Господи, неужели заскок начинается? Только не сейчас, не сейчас… Сердце бешено колотилось. Уф, так, спокойно… Кэрри приняла клозапин, нужно время, чтобы таблетка подействовала.

– Да я не тороплюсь, – соврала Кэрри, – можно и в объезд.

Через несколько кварталов она выбросила в окно бесполезные сотовый. С глухим стуком аппарат без симки разбился о мостовую.

Теперь Кэрри со звонком в Лэнгли ничто не связывает. Разве что водитель может подтвердить, кто выбросил телефон.

Машина тем временем обогнула мечеть Омейядов, где, предположительно, хранилась голова Иоанна Крестителя и покоились останки Салах ад-Дина, великого мусульманского полководца и победителя крестоносцев. Таксист зигзагами проехал вокруг мечети к улице Эс-Сагх, затем – к Прямой улице.

Где-то позади взвыли полицейские сирены.

Кэрри не понравилось, как водитель взглянул на нее на прощание, когда она высадилась у входа в ресторан «Нарандж». Там перед высокими стрельчатыми витринами выстроился целый парк «мерседесов» и «поршей». Если таксиста схватят и начнут допрашивать, он сразу укажет на Кэрри, да еще, наверное, припомнит, как подобрал ее у трупа Кадиллака. Черт…

Швейцар тем временем поклонился и распахнул дверь; Кэрри вошла в ресторан с мыслями, что нужно поскорее отсюда убраться.

В Дамаске становилось чересчур опасно, однако Кэрри хотела проверить тайник – вдруг Кадиллак что-то для нее оставил. К тому же надо проверить, как там Орхан. Есть шанс, что, закончив с Кадиллаком, ГУБ нацелился на одноногого курда. Время стремительно таяло.

В «Нарандже», как всегда, было людно и шумно: здесь собрались сливки сирийского общества, все, от политиков до звезд телеэкранов. Метрдотель поначалу взглянул на Кэрри пренебрежительно: как так, женщина, одна и без компании, стоит у входа? – но, приглядевшись хорошенько: привлекательная американка, блондинка, хоть и не в вечернем наряде, – понял, что лучше не делать преждевременных выводов. Вдруг это любовница важного человека? Так зачем выпроваживать ее?

– У вас назначена встреча, мисс? – спросил он.

– Да, но у входа я заметила «мерседес» жены моего визави. Лживая сволочь!.. У вас есть запасной выход? – прошептала Кэрри, кладя в руку метрдотелю двадцатидолларовую купюру.

– Ну разумеется, – улыбнулся тот, ловко пряча деньги в карман. Подозвал официанта, шепотом дал ему указания и сделал Кэрри жест: мол, вас проводят.

Официант провел Кэрри за угол переполненного атриума, через обеденный зал; из кухни доносился густой аромат жареного мяса. Через черный ход официант вывел Кэрри на веранду. Кэрри немного запуталась, но быстро сообразила: ее проводили на боковую улочку, напротив православного собора Святой Девы Марии. Церковь стояла, ярко освещенная, позади Римской арки.

Кэрри хотела дать на чай официанту, однако тот наотрез отказался от денег. Даже больше, он поймал для нее такси и приоткрыл пассажирскую дверь.

– Даст бог, все будет хорошо, мадам, – сказал он, будто зная, в чем дело.

– Даст бог, – пробормотала в ответ Кэрри.

– Куда едем, мадам? – спросил таксист.

Пришло время решать. В горле пересохло так, что Кэрри не могла даже сглотнуть. Степень риска возрастала с каждой секундой. В Сирии оставаться было очень небезопасно. Местная разведка наверняка уже знает о проникновении в воздушное пространство страны американских вертолетов, к тому же Кадиллака запытали и казнили. А он под пытками, скорее всего, указал на тайник для сообщений. Вполне может быть, что в ковровой лавке теперь засели агенты ГУБ и пасут всякого, кто приблизится к тайнику.

Оперативница ЦРУ для ГУБ – кусочек лакомый и даже очень. Содержимое ее головы раскроет все планы Лэнгли на Ближнем Востоке, а шанс расколоться у Кэрри невероятно высокий. Стоит ей попасться в руки сирийским безопасникам – и все, они вскроют ее как банку консервов.

Вот это будет удача, и не только для них, но еще и для их боссов: иранцев и русских. Для ЦРУ, для США – и лично Саула – это станет катастрофой невероятных масштабов.

С другой стороны, оставался крохотный шанс, что перед арестом Кадиллак успел оставить в тайнике сообщение. Если Кэрри опередит безопасников и успеет забрать его из лавки, то, может, удастся разобраться в происходящем. Как тогда быть с Орханом? Если Кадиллак не сдал его под пытками, Кэрри еще может успеть предупредить курда. Спасти его.

Время делать ставки. Впрочем, на кону не только жизнь Кэрри – судьба ее страны.

– Куда едем, мадам? – повторил водитель, нетерпеливо барабаня пальцами по рулевому колесу.

– Сук-эль-Хамидия.

Сук-эль-Хамидия, Дамаск, Сирия

12 апреля 2009 года
Время: 19.14

– Это янтарное ожерелье просто создано для вас, мадам. Оно подчеркивает золотой оттенок ваших волос и аквамариновый цвет глаз, – увещевал Кэрри торговец, выводя пальцем в воздухе завитки, повторяющие изгибы ее локонов. Это был тот самый усатый бизнесмен, ранее тем же днем игравший в нарды с Орханом. Вполне возможно, он спас Кэрри жизнь.

– Откуда мне знать, что это настоящий янтарь? – спросила она.

– Способов проверить много, – улыбнулся торговец. – Чувствуете, как ожерелье теплеет в руках? Настоящий янтарь – он как живой. Натрите его клочком мягкой ткани или меха, и он зарядится статическим электричеством, начнет притягивать пух и пыль. Вы знаете, что древние греки называли янтарь «электрон»? Само слово «электричество» происходит от янтаря. – Торговец улыбнулся. – Есть и другие простые способы проверить янтарь на подлинность: окуните его в соленую воду; подделка из пластмассы или стекла пойдет ко дну. Натрите бусины спиртом или средством для снятия лака: янтарю ничего не сделается, а подделка испачкается. Поднесите бусины к огню: янтарь издает приятное свечение и аромат сосны.

– Не хотела бы я сжечь это ожерелье, – ответила Кэрри.

– Нет, мисс, Аллах не позволит. Только не это ожерелье!

Лавка напоминала пещеру Али-Бабы, тут было все: дорогие ювелирные изделия ручной работы из золота, серебра и янтаря, дамасский шелк, гравированные медные горшки и кувшины, инкрустированные перламутром столики.

– У меня еще тринадцать таких лавок, – похвастался бизнесмен.

Приехав на рынок, Кэрри первым делом отправилась к лавке Орхана. Она не заметила ничего необычного: несмотря на поздний час на рынке толпился народ, бродили вдоль рядов туристы; у лотка с мороженым собралась компания молодых людей. Большинство лавок еще

работало, но вот что странно: торговцы не зазывали покупателей, как обычно. Да, час стоял поздний, и все равно Кэрри насторожилась.

Сигнал тревоги в мозгу зазвучал в полную силу. Кожу начало покалывать, как перед депрессией – приступом расстройства, противоположным заскоку. Периодом тьмы, когда не можешь и пошевельнуться, сидишь часами, если не днями, словно парализованный. И единственный лучик надежды – «глок-26» в сумочке, порочный соблазнитель, который так и манит: достань меня, не мучься, спусти курок. Зачем погружаться во мрак?

«Это не я, не мой рассудок, – твердила себе Кэрри. – Это биполярное расстройство». А порой в голове звучал голос Фрэнка, и Кэрри мысленно кричала: «Папа, это не ты!»

Что-то случилось. На первый взгляд, ничего на рынке не вызывало подозрений: бродили по рядам разносчики воды, переулки были открыты; женщины в хиджабах, нагруженные пакетами для покупок, переходили от лотка к лотку… Так может, это все воображение Кэрри? Ей чудилось, будто два торговца украдкой зашептались, когда она подходила к лавке Орхана. У лавки с женской обувью стоял мужчина в костюме; он разговаривал с кем-то по блютус-гарнитуре.

Вот черт.

Вопрос в том, арестовали Орхана или еще нет? Заранее было не определить, и потому Кэрри решила подойти ближе, взглянуть: открыта его лавка или нет? – и уйти в переулок.

– Помните меня, милая мисс? – Ей навстречу вышел усатый бизнесмен, с которым Орхан играл в нарды. Подойдя ближе, он шепнул: – Торговец коврами мертв. Зайдем ко мне.

– Это вы играли с Орханом, – вспомнила Кэрри с таким выражением, будто у нее на пути внезапно выросла стена. Войдя в ювелирную лавку, она осмотрелась. Рефлексы замедлились. Ее мог сбить грузовик, она бы и не заметила. Оставшись наедине с торговцем, Кэрри ляпнула первое, что пришло на ум: – Знаете, Орхан ведь жульничает.

– Как и я, – ответил усатый, предлагая сесть на причудливо инкрустированный перламутром стул. Он хлопнул в ладоши и откуда-то из подсобки вынырнул паренек, которому хозяин велел принести чаю.

– И пахлаву с песочным печеньем захвати, – добавил он. Стоило пареньку убежать, как усатый представился Кэрри: – Ареф Тайфури, мисс. Бизнесмен-торговец, также занимаюсь импортом-экспортом.

– В кого вы сейчас играете, господин Тайфури? – наконец выдохнув, спросила Кэрри.

Подавшись вперед, Тайфури пошептал:

– Послушайте, мисс, я ничего не знаю: не в курсе, чем провинился Орхан, не знаю вас и участвовать в ваших делах не хочу. – Одновременно с этим он показал ей изысканное янтарное ожерелье, будто придворный, подносящий королеве корону. – Прелестно, не правда ли?

– Зачем помогаете мне? – спросила Кэрри, стреляя глазами в сторону улицы и прохожих. Затем посмотрела на ожерелье: на вид дорогое. Если Орхана арестовали, то улица сейчас точно кишит безопасниками.

– Сам не знаю. Вот, посмотрите. – Он показал янтарную брошь в медной оправе. – Это вам, подарок.

– Не могу принять, – отклонила его руку Кэрри.

– Прошу, возьмите, – не сдавался торговец. – Это от друга: презент для прелестной мисс. Чудесно сочетается с прекрасным ожерельем, которое вы, надеюсь, купите, – громко произнес он и уже шепотом горячо добавил: – Если честно, я подумывал избавиться от броши. Потом решил: ее могут найти и выследить меня. А, вот и *chai*, – сказал он, когда вернулся паренек. На медном подносе тот принес горячий напиток и выпечку. – Прошу, – сказал хозяин, приглашая Кэрри угощаться.

Кэрри отпила чаю и надкусила пахлаву.

Можно ли Тайфури верить? Он вроде напуган и не слабо, растерян. Или хорошо притворяется.

Убедившись, что никто за ней не следит с улицы, Кэрри приколола брошь к блузке: если уж прятать, то на видном месте. Впрочем, неплохо было бы убедиться, что «подарок» и правда от Орхана.

Кэрри приложила к шее янтарное ожерелье.

– Мило, – пробормотала она. – Когда Орхан вам ее передал?

– Брошь, мадам? Она из моей лавки. Просто она полая, с крышечкой. Мне она показалась подходящим предметом… Ну, вы понимаете, для чего, – шепотом пояснил Тайфури.

Кэрри кивнула. Внутри броши усатый спрятал некий предмет.

– Барсани пришел ко мне примерно за час до того, как пришли за ним, – продолжал торговец. – Как он догадался, что его захотят арестовать, я не знаю. По рынку ходит слух, будто агенты нашли его завернутым в желтый курдский ковер – насквозь пропитанный кровью. Орхан закутался в него и перерезал себе горло, представляете? Когда его нашли, нож так и торчал у него в шее.

Дрожащими пальцами он сунул в рот сигарету «Мальборо» и закурил. Зло щелкнул крышкой зажигалки.

– Я не при делах, мисс, понимаете? У меня жена и трое детей.

В лавку заглянули двое полицейских, вооруженных автоматами. Кэрри, чтобы не расплескать чай, схватилась за чашку обеими руками. Нервы у нее и так не отличались крепостью, а сейчас так и вовсе звенели. Наконец полицейские пошли дальше, а Кэрри подумала про себя: пора валить из Сирии. Вот только она не зря называлась оперативником ЦРУ. Так просто смерти двух агентов и провал операции оставить не могла.

Надо выяснить, зачем Орхан так рисковал, передавая через Тайфури послание агенту ЦРУ.

– Почему он пришел к вам? – спросила Кэрри.

– Не знаю. Может, потому, что мы оба курды? Знаете, каково нам в этой стране?

– Нет. – Кэрри внимательно посмотрела на хозяина лавки. – Расскажите.

– Курду жить здесь – все равно что босиком ходить по битому стеклу, мисс. Каждый шаг делаешь осторожно и при этом всегда улыбаешься. Всегда, не прекращая. Стиснув зубы.

– Значит, Орхан пришел к вам как к родичу? Или потому, что вы тоже жульничаете в нарды? Кстати, что вы такое экспортируете-импортируете?

– Зависит от обстоятельств, – чуть помедлив, ответил курд.

– Например?

– Смотря кто обращается ко мне.

Как все-таки неожиданно поступают порой люди. Теперь и не узнаешь, чем руководствовался Орхан в последние минуты жизни, доверяя Тайфури то, что спрятано внутри броши.

– Кажется, я понимаю, мсье Тайфури. – Подавшись ближе к нему, Кэрри прошептала: – Чем скорее я покину Дамаск, тем лучше для нас обоих. Вы мне поможете?

Подумав немного, Тайфури спросил:

– Алеппо знаете?

* * *

Покинув лавку, Кэрри трижды пересаживалась с такси на такси, а после села на маршрутный микроавтобус. Всякий раз она выбирала транспорт, следующий в направлении, противоположном предыдущему; пришлось побегать – лишь бы избавиться от потенциального «хвоста». Наконец она вернулась в гостиничный номер.

В вестибюле и атриуме «Шам Палас», как обычно, дежурило несколько безопасников мелкого пошиба. Никто из них даже не взглянул на Джейн Мейерхофф. Кэрри подошла к стойке консьержа и попросила устроить поездку автобусом до Алеппо.

– Вам понравится город, – пообещал консьерж. – Он знаменит своими перламутровыми шкатулками. Там много достопримечательностей, хотя с дамасскими они, конечно, не сравнятся…

– Понимаю, спасибо, – ответила Кэрри и, заплатив за билет, направилась к лифту.

Оказавшись в номере, заперла дверь и хорошенько обыскала комнату и ванную: «жучков» и скрытых камер нигде не нашлось. Разве что один стандартный «жучок» в телефоне, по которому Кэрри заказала обслуживание в номер: сэндвич и мятный лимонад. После она включила ноутбук и принялась за работу.

Внутри броши обнаружила флешку. Мрачно взвесила ее на ладони. Орхан – а может, и Кадиллак – погибли за то, чтобы передать ей записанные тут сведения. Кэрри вставила накопитель в порт ноутбука, включила звук, и… на экране появилась картинка: пышная свадьба, люди танцуют; в центре торжества – молодая пара: невеста в белом стоит у многоярусного торта.

В дверь постучались. Кэрри отключила звук и захлопнула крышку ноутбука. Вооружилась пистолетом и, держа его за спиной, направилась к двери.

Официант принес ужин: сэндвич и напиток. Подождав, пока он уйдет, Кэрри снова открыла ноутбук. На сей раз она сделала звук потише.

«Чья, интересно, свадьба?» – подумала она и заметила среди гостей Кадиллака с супругой. А хорошо ЦРУ обучило агента: сирийский безопасник взглянет на запись и ничего не поймет. Для него это – просто видео на память.

Кэрри прогнала запись через специальную программу, которая выудила из непримечательного видео-файла миллионы бит другого файла в формате. avi, который Кэрри озаглавила «Виды Дамаска». Потом вставила в уши «бананы» и, положив рядом на кровать пистолет, включила воспроизведение.

Послание длилось менее полутора минут, но просмотрев его, Кэрри некоторое время не могла опомниться. Все стало с ног на голову, открылась совершенно новая грань происходящего. В уме у Кэрри вертелась одна-единственная мысль: это надо срочно передать Саулу.

Чутье велело как можно скорее убираться из Дамаска. Рейд спецназа провалился, Кадиллак и Орхан мертвы, сама она – в сердце «красной зоны». Прямо отсюда с Саулом не свяжешься, слишком опасно. Единственный шанс – выбраться в Алеппо и уже оттуда переслать данные шефу.

Видео снимали на скрытую камеру, установленную, скорее всего, в солнечных очках, которые Кэрри лично передала Кадиллаку во время второй встречи в Бейруте. По всему выходило, что снимал Кадиллак, лично.

Послание он составил из двух частей. Место действия в первой Кэрри сразу узнала: один из ресторанов, расположенных на Джебель-Касиюн, горе, в чьей тени стоял Дамаск. Говорят, на ее склоне Каин и убил Авеля.

Дело было на закате: город только начинал озаряться огнями, горели лампы в самом ресторане. Однако, несмотря на тени, солнечного света хватало, чтобы разглядеть двух мужчин за столиком в кадре. Один из них, араб в дорогом костюме сидел спиной к Кадиллаку, но стоило ему на секунду глянуть в сторону, и Кэрри увидела его профиль. Господи, неужели… он? Абу Назир?! Его ли хотел показать Кадиллак? Уже и не спросишь. Кэрри видела просто араба, да и то со спины, хотя инстинкт говорил: Кадиллак не просто так передал видео. В нем – нечто важное. Кэрри вздрогнула. Напротив араба сидел и поедал пиццу мужчина, европеец в полосатой рубашке навыпуск и брюках в клеточку.

За кадром звучал чуть слышный голос Кадиллака: агент бормотал, почти не разжимая губ.

– Мужчина в костюме – Абу Назир, – сказал на арабском Кадиллак. Есть, точно он, Абу Назир! – Имени его визави не знаю, его зовут просто «русский». А вот кое-что поинтереснее. – Кадиллак перевел фокус камеры на соседний столик, где сидели трое сирийцев в белых рубашках, при галстуках

Все трое ели с тарелочек *мезе*[4]; один курил кальян и с большим интересом наблюдал за арабом и русским.

– Того, который курит кальян, я знаю, – произнес за кадром голос Кадиллака. – Его зовут Омар аль-Маваси. Он точно из ГУБ. Все трое – безопасники. Человека, что сидит напротив Абу Назира, они зовут «русский».

Тут Кадиллак навел замаскированный под авторучку микрофон на столик Абу Назира, и среди мешанины голосов на арабском послышалась беседа Назира и «русского»:

– …мы переменим ход войны, – говорил по-английски Абу Назир. Несмотря на низкое качество записи и фоновый шум голос его показался Кэрри знакомым. Она отмотала запись назад и проиграла заново. Потом еще раз и еще. Где-то она уже слышала этот голос.

Она снова нажала кнопку воспроизведения.

– Ваши действия все изме… – Окончание фразы русского потонуло в возгласе за соседним столиком: кто-то что-то сказал по-арабски об аварии на дороге.

– …жаль, что придется покинуть… – Голос русского пробился сквозь прочие, включая голос одного из сирийских безопасников: тот говорил что-то о возмещении расходов.

– Всего лишь временное неудобство. Мы всегда планируем подобные… – отвечал Абу Назир, и тут Кэрри вспомнила, где еще слышала его голос. На записи, найденной среди руин керамического завода в Эр-Рамади. Это он допрашивал Уалида Карима, агента Кэрри, Ромео. Точно же, он! Абу Назир! Его голос Кэрри слышала на записи допроса. Сто процентов!

Первая часть закончилась, и Кэрри принялась соображать. У нее на руках косвенные доказательства того, что Абу Назир скрывался в Сирии, да еще с попустительства местных властей. Сирийцы, похоже, решили стравить две враждующие стороны. И кто такой этот загадочный европеец, русский? Каким он здесь боком? Связан с иракской ячейкой «Аль-Каиды»? Впрочем, куда важнее узнать: что такого запланировал Абу Назир, дабы переломить ход иракской воны?

Запись сделали два дня назад – встроенный календарь камеры сам выставил дату. Два дня! Неужели русский предупредил Абу Назира о готовящемся рейде спецназа? Господи, Кадиллак, сам не ведая того, раздобыл доказательства. Совпадение просто невероятное.

Вот это прорыв! Доказательство утечки. Даже больше – след. Саул рехнется, узнав, что в деле замешаны русские. Кэрри торопилась досмотреть остаток видео… и зря.

Второй ролик вывернул ей душу наизнанку. Картинка дергалась, потому что снимал Кадиллак на ходу: шел по людной дамасской улице, скорее всего, по улице Семнадцатого апреля, недалеко от штаба. В самом видео не было ничего особенного, только прохожие да машины. Поражали слова Кадиллака:

– Билли, – назвал он ее позывной, взятый Кэрри в честь Билли Холидея, джазового певца, – похоже, меня раскрыли. Я получил твое сообщение «от капитана» насчет «кузена Абдулкадера». Постараюсь быть в кафе сегодня вечером, но знай: со мною все кончено. Сегодня я видел своего командира Тарика. Мы с ним давно знакомы. Так вот, он при встрече со мной отвернулся.

Меня пот прошиб. Чувство было такое… будто кто-то заплакал у меня над могилой. Есть у нас такая поговорка.

Я пожаловался Тарику на «дебилов с бензохранилища», мол, они «снова запутались в объемах». Мы оба постоянно на них жаловались, и Тарик обычно называл их «ослами», но

[4] Набор закусок или небольших блюд.

сегодня он лишь взглянул на меня. От его взгляда кровь в жилах застыла. Тарик молча прошел мимо, а ведь мы с ним друзья, Билли.

В штабе мне никто не звонил, не писал по электронке. Никто подле меня не задерживался: ни коллеги, ни младшие офицеры. Думаю, слух просочился вовне. Для всех я совершил *харам*. С работы я ушел пораньше. Сейчас попытаюсь оставить это сообщение в тайнике. Вечером попробую прийти в кафе, однако конец, по-моему, близок. Я чувствую. Петля уже затягивается. Прошу, Билли, если меня убьют, позаботься о моей семье: вывези их из Сирии. Это в твоих силах, Билли, я знаю: тебе это по силам. *Allahu akbar*.

«Господь велик», – автоматически перевела про себя Кэрри.

Черт, черт, черт! Кадиллак привел ГУБ прямо к Орхану, и те чуть не достали ее.

Закрыв ноутбук, Кэрри сунула пистолет под подушку и легла. Проснулась посреди ночи, вся в поту. Сначала даже не поняла, где она и что происходит. Охваченная паникой, не сразу сообразила, что она все еще в Дамаске, в номере отеля.

Подошла к окну и, не отодвигая занавески, глянула на улицу: странный желтоватый свет фонарей, минареты мечетей… Ее изводил рабочий зуд, нужно было срочно убираться из города.

Алеппо, Сирия

13 апреля 2009 года

В 1123 году король Иерусалима Бодуэн II совершил редкую для себя тактическую ошибку и угодил в плен к туркам-сельджукам, которые два года продержали узника в цитадели в Алеппо. Массивная белокаменная постройка до сих пор отражала свет послеполуденного солнца, что висело над плато. Ее использовали в качестве крепости еще в доисторические времена. Впрочем, крепость мало интересовала Кэрри: здесь она собиралась сделать всего парочку снимков на камеру смартфона, для виду.

Сойдя с автобуса на вокзале, она уже поставила себе целью найти интернет-кафе, упомянутое одним из попутчиков. Оно якобы располагалось на улице Нуруддина Занки, что тянулась на север от самой крепости, видимой из любой точки города.

В кафе Кэрри села рядом с сирийским студентом, вышла в сеть и с флешки загрузила послание Кадиллака на подложный сайт ЦРУ: по легенде, ресурс принадлежал транспортно-экспедиционной компании, а на самом деле это был сервер в Гамбурге, позволяющий размещать файлы на международном видеохостинге типа «Вимео».

Загрузив ролик, Кэрри отправила Саулу на личный IP-адрес зашифрованное письмо: отчет она спрятала в фотографиях с видами Алеппо, которые прикрепила к е-мейлу.

Письмо оканчивалось строчками:

«Представляешь! Я видела трубкозуба. Надеюсь, скоро встретимся. Целовашки-обнимашки».

Кодовое слово «трубкозуб» означало высокую степень срочности.

Нажав кнопку «отправить», Кэрри вставила в порт компьютера отдельную флешку с прогой АНБ, которая стерла все следы ее действий. Получалось, что Кэрри даже не пользовалась этим компьютером; следы ее присутствия в сети удалились даже с серверов по всей Сирии, с которыми был связан компьютер. Саул же, скачав файл с посланием от Кадиллака, поступит точно так же: сотрет все следы пребывания ролика на хостинге.

«Ну все», – с облегчением думала Кэрри, покидая кафе. Саул получил сообщение. Шагая вниз по обрамленной пальмами улице, греясь на солнце и слыша в воздухе аромат *фалафеля*[5], Кэрри ощущала себя намного лучше и легче.

Теперь Саул обо всем позаботится. Разработает план игры, и «крота», что помешал схватить Абу Назира, возьмут. Кто-то да знает, что это за таинственный русский на видео. Может, инфа есть у московского отделения? Теперь Кэрри заляжет на дно и будет ждать инструкций от Саула. Слава богу, он в Лэнгли, складывает кусочки головоломки.

Кэрри, однако, даже не догадывалась, что в этот самый момент карьера Саула висит на волоске. Его готовились уволить.

Третье офисное здание Сената США имени Харта, Вашингтон, округ Колумбия

28 июля 2009 года
Время: 23:42

– Минутку, Билл. Вы хотели уволить Саула? Гения шпионажа, суперзвезду, этого да Винчи и прочая, и прочая?

– Я был близок к тому, чертовски близок, сенатор. Сами посудите: дела на Ближнем Востоке были паршивые. Армия Абу Назира знала все наши ходы наперед: мы здорово рисковали, отправляя в Сирию команду спецназа, которая в итоге вернулась с пустыми руками. Саул взял на себя ответственность и провалился. Мало того, наш основной информатор в Сирии погиб, его замучили; вся наша сеть в Сирии пошла коту под хвост. Абу Назир ускользнул, и мы после стольких лет кропотливых трудов вернулись к тому, с чего начинали. Саул ведь шеф Отдела разведки по Ближнему Востоку! С него и спрос! Что бы вы на моем месте предприняли? Мы оказались по уши в дерьме, и нужно было из него выбираться. Сами знаете, как поступают в таких ситуациях: ищут козла отпущения.

– Эта оперативница, Билл… Саул здорово рисковал.

– Рисковал – слабо сказано, господин президент. Саул отправил оперативницу в самое сердце «красной зоны» на территории врага, и там она действовала сама по себе. Без прикрытия. Ей предстояло провернуть невероятно опасную операцию без посторонней помощи. Что, если бы ее убили? Или того хуже – взяли в плен? Саул поставил на карту все наши операции на Ближнем Востоке.

– Как это – все?

– У Кэрри Мэтисон в голове содержались данные по делам бейрутского и багдадского отделений. Исчерпывающие данные: контакты, агенты, явки, шифры… Представляете, что было бы, схвати ее сирийцы? Если бы они передали ее «Хезболле», иранцам? Или вообще, русским? Что бы из нее вытянули! Случилось бы… Короче, не знаю, как скоро мы оправились бы, но наверняка скажу вот что: погибла бы уйма хороших сотрудников. На кону оказалась и наша иракская кампания, пришлось бы ее прекратить. Окончательно. Ну, вы все еще вините меня?

– Что сказал Саул в ответ на обвинения?

– Хотите знать, сенатор? Саул ответил: «Кэрри уже взрослая, может о себе позаботиться». Как будто ничего не случилось. Подумаешь, пустячок!..

– Вот вы говорите, Билл, что Мэтисон вышла на след русского. Это вы в расчет не принимали?

– Мы не были в курсе, Уоррен. Тогда не были. Я собрал срочное совещание, прямо с утра, у себя в кабинете в Западном крыле. Там были я, директор ЦРУ и замы: Дэвид Эстес,

[5] Арабское блюдо: жаренные во фритюре шарики из бобов с добавлением специй.

начальник контртеррористического центра, Саул. Бóльшую часть времени, правда, я орал на Беренсона, а он сидел, будто раввин, забывший надеть ермолку.

– Что он сказал?

– Что я опережаю события и нам надо подождать отчета Мэтисон.

Я ему: «Мы ведь даже не знаем, жива ли она!». Мы и правда не знали, где она, что она… Спецназ с трудом успел вернуться на базу. «Мы теряем контакты, агентов», – говорил я. Черт бы с ним, с увольнением, мне хотелось просто взять и треснуть Саулу по морде. А он… Он сидел, глядя на меня из-за стекол очков, такой себе бородатый Йода.

«Кэрри жива и действует», – ответил Саул.

Эстес спросил: «Откуда тебе знать?». Угадайте, что сказал на это Саул. Я вам скажу: «Она хороша».

Представляете? «Она хороша». Он повторяет эту фразу, словно мантру какую-то. Я ушам своим не поверил. Мы все тогда переглянулись; я готов был уволить Саула на месте. Чуть не сказал ему об этом, но потом…

– Что вас остановило?

– Причин две, Уоррен. Две причины, о которых никому из нас нельзя забывать. Помните конгрессмена Джимми Лонгуорта?

– Лонгуорта из Миссури? Кто же забудет Джимми Лонгуорта! Вы бы его видели, господин президент. Тот еще персонаж. И все же, Билл, при чем здесь он?

– Когда я только получил назначение в Вашингтоне, то разосрался с одним агентством. Джимми заглянул ко мне в кабинет с бутылкой «Джек Дэниелс» и двумя стаканами. «Малыш Билли, – начал он, – я тебе одну умную вещь скажу, и если не наберешься мудрости, то запомни хотя бы ее: старожила можно загнобить по самое не могу, но его нельзя увольнять». На мой вопрос: «Почему?» он ответил: «Старожилы знают, где собаки зарыты. Уволишь одного такого, и он уйдет. Молча уйдет, получит пенсию и пособие, а ты полгода спустя будешь объясняться перед каким-нибудь пронырой-репортеришкой из “Вашингтон пост” или даже большим жюри. На дно пойдешь со всей администрацией. До конца жизни себе карму испортишь. Вот почему».

– Так, а вторая причина?

– Мой предшественник на посту директора ЦРУ. Он сказал нечто, чего мне не забыть: «Самая большая беда Саула – патологическая честность, но главное, Билл – каким бы умником ты, член гарвардской “Фи-Бета-Сраки”, себя ни воображал, Саул вдесятеро хитрее и мудрее. А еще он, сволочь такая, самый умный на свете жид. В общем, когда закончишь на него орать – рано или поздно ты на него наорешь, на Саула все орут – выслушай, что он скажет. Внимательно выслушай».

В общем, в конце собрания я отправил Саула в административный отпуск. Прямо на месте. И знаете что?

– Что?

– Он просто посмотрел на меня, Уоррен, сквозь стекла очков и ответил: «Неплохая мысль». Потом встал и вышел. А мы остались чесать в затылке и гадать: что он имел в виду?!

– И все? Тогда как мы докатились до такого?

– И правда, Билл, как? Что произошло?

– Все просто, господин президент: мы получили отчет Мэтисон с кодовым маркером «трубкозуб». Буквально через двадцать минут, как Саул покинул мой кабинет. Тогда-то я и узнал настоящего Саула.

Тампа, Флорида

14 апреля 2009 года

Тем утром Саул Беренсон, шеф Отдела разведки по Ближнему Востоку ЦРУ, отправленный накануне после основательной и прилюдной головомойки вице-президентом США Уильямом Уолденом в административный отпуск, проснулся ото сна, который не посещал его с детства. Проснулся один, в пустом доме.

Его жена Мира уехала, вернулась в Мумбаи, что в Индии, еще два дня назад. Для посторонних, она отправилась навестить больную мать и продолжить работу в Обществе Красного Креста (управляемом ее семьей отделении благотворительной организации). На самом же деле Мира уехала потому, что в последнее время они с Саулом почти не разговаривали. В любом браке, размышлял Саул, собираясь в аэропорт, всегда есть легенда и подлинная история.

В аэропорт его взялся отвезти Сэнди Горник, угловатый кудрявый специалист (весьма успешный) из отдела по Ирану. Он специально взял отгул в офисе, чтобы подбросить шефа, а тот по дороге проболтался, дескать, летит к жене и ее родным в Мумбаи.

– Вы там прежде бывали, в Индии? – спросил Горник. До него дошел слух, как Саула чуть не выперли из конторы. Почти все в НСС (Национальной секретной службе) и абсолютно все на четвертом этаже в Лэнгли знали об этом. В кафетерии только о том и судачили. Сэнди, типичный карьерист, даже побаивался, как бы сегодняшняя поездка в аэропорт не стоила ему карьеры.

Впрочем, он принадлежал к тесному кругу своих, близких Саулу оперативников, которых было невозможно сбить с курса и которые буквально смотрели Саулу в рот, когда шеф соизволял поделиться капелькой шпионского мастерства – на ходу, спеша по бесконечным коридорам Лэнгли с очередного «дебильного» собрания на другое, где «вашингтонское искусство сушки мозгов достигает абсолютного, шедеврально убийственного пика».

– Один раз, – ответил Горнику Саул. – Семьи в Индии они такие… В общем, это как лечь в постель со стаей осьминогов. Куда ни повернешься, всюду руки. Поверь, жить с ними непросто.

– Уверен, семья вашей супруги будет рада, что вы наконец к ним приехали, – произнес Горник, надеясь, что выбрал правильный тон. Не хватало еще пожалеть шефа или дать ему понять, что ты знаешь о его вынужденном отпуске.

– Зато я не уверен.

Сэнди Горника, который всегда умел достойно ответить на девчачий троллинг в джорджтаунских пабах (но терялся в присутствии того, кто до вчерашнего дня был не просто шефом его шефа, а чуть ли не живой легендой Лэнгли), застали врасплох.

– Жаль, – сказал он, краснея.

– И мне, – ответил Саул, глядя в окно на дорогу. На том беседа закончилась.

Прикрытие Саул себе обеспечил.

К следующей встрече он думал подготовиться во время двухчасового перелета, но так и не раскрыл ноутбука. Официально он отправился в административный отпуск. «Официально, – добавил он про себя, – меня не существует». Саул просто глядел в иллюминатор на барашки облаков и зеленые с коричневым холмы Северной Каролины далеко-далеко внизу.

Он в буквальном смысле пребывал между и небом и землей. Лучше метафоры было просто не сыскать.

Увидит ли он еще когда-нибудь Миру? Ведь он отнюдь не в Индию летел. Саул не знал даже, вернется ли в Лэнгли. Впрочем, сейчас это все не имело значения. По-настоящему важной была информация от Кэрри – она изменила уравнение, ход всех событий на Ближнем Востоке.

Сон…

Опять, тот же самый. В детстве Саул видел его почти каждую ночь, а потом он вдруг перестал являться – в день, когда Саул заявил отцу, что не желает больше посещать старую

синагогу в соседнем городке Саут-Бенд. Что не хочет проходить обряд бар-мицва[6]. Отец молча взглянул на него и, сев в машину вместе с матерью, взял и уехал в Саут-Бенд. Вот так, запросто. Он словно ответил сыну: «Хочешь – воюй теперь с Господом, Шаулель. Думаешь, отрекся от него – и все, конец? Думаешь, Богу нечем ответить?».

Это был даже не сон, кошмар. Саул – маленький мальчик – перенесся в Европу, в гетто. Вид напоминал черно-белый фильм о Второй мировой, разве что Саул не смотрел его, а сам в нем участвовал.

Стояла ночь. Саул укрылся на чердаке. Внизу ходили нацисты, гестапо. Они искали его. Слушая их речь, не понимая языка, Саул догадывался: говорят о нем. Нацисты знали, где он прячется.

Гестаповцы подбирались все ближе, комнаты внизу уже обыскали. На поводках они вели собак, немецких овчарок. Слышно было, как животные ищут след. Саул не знал, где его родители: в концлагере? мертвы? или еще живы? Он вообще не знал, кто куда подевался: евреев не стало, и вот уже несколько дней, недель он сидел в доме один, без еды, будто крыса; рыская по помойкам, в ночных переулках; слизывая испарину с грязных труб в угольном погребе. Но вот кто-то сдал его, и нацисты пришли.

Они переговаривались на немецком, языке, который Саул понимал лишь отчасти – он немного походил на идиш. Парализованный страхом, Саул не смел пошевелиться. Тут, совсем близко, прямо за дверью пролаяла собака. Дверь распахнулась, и чулан затопил свет.

– Heraus![7] – прокричал один из солдат. Все они были вооружены винтовками, но по-настоящему страшили Саула два типа в кожаных пальто: на руках – повязка со свастикой, на фуражках – кокарда в виде мертвой головы. Солдаты выдернули Саула в коридор и так сильно врезали по лицу, что из глаз искры посыпались. Стены вокруг завертелись. Потом его потащили вниз по лестнице; на ходу солдаты кричали на других обитателей дома.

На улице ему дали пинка и поставили на ноги, лицом к кирпичной стене. Тут же стояли еще двое: женщина с витыми белокурыми локонами, в накинутом поверх ночной сорочки жакете с желтой звездой Давида, а рядом – маленькая девочка. Они держались за руки. Девочка плакала.

Трое евреев стояли в свете фар военного грузовика. Рычащая машина извергала облака выхлопных газов.

Один из гестаповцев в черном пальто подошел к женщине. Саул только сейчас заметил, какая она красивая – нет, сногсшибательная! – точно кинозвезда. Немец вынул из кобуры «люгер».

– Я же красавица, – сказала женщина. – Сделаю все, что велите.

– Да, – ответил гестаповец и выстрелил ей в голову. Девочка закричала. Немец и ее застрелил, но крик не смолк. Пусть даже девочка умерла – в этом Саул нисколько не сомневался: по мостовой текла ее кровь, – вопль все еще звучал в темноте улицы.

Немец подошел к Саулу и приставил дуло пистолета ему в голове. Надавил на спусковой крючок… Саул не совладал с собой и обмочился.

В этот момент он всегда просыпался: в своей мокрой постели.

Про сон Саул никому не рассказывал, даже родителям, когда те пеняли ему за мокрое постельное белье. Они никогда не рассказывали про войну, Холокост. Однажды, когда Саулу исполнилось одиннадцать, он начал задавать вопросы; мать отвернулась, отец притворился, будто не слышит.

---

[6] В иудейской традиции день, когда мальчик вступает в пору религиозного совершеннолетия.

[7] На выход (*нем.*).

Когда Саул обратился с вопросами второй раз, отец взял его с собой «прокатиться».

Они отправились до самого Гэри, что в штате Индиана, на сталелитейный завод у берега озера Мичиган. В одном из цехов имелась смотровая платформа, куда пускали экскурсии; с нее было видно, как расплавленную сталь разливают из гигантского котла по формам. Искры взлетали в воздух фонтанами, от домен исходил страшный жар. Отец держал руку Саулу, будто в клещах.

– Взгляни на огонь, Шаулель. Войди в печь, выйди из нее, а потом поговорим про лагеря, *farshtaysht*?[8] В тех местах, о которых ты, Шаулель, спрашиваешь, не было Бога.

Домой они ехали в полном молчании, и больше Саул про войну не спрашивал.

Так и про свой кошмар он не рассказал. Никому. Кроме Миры.

Рассказал в одну ночь в Тегеране, в 1978 году. Тогда он еще был молодым оперативником ЦРУ; революция приняла опасный оборот, и Саул отослал Миру из Ирана в Штаты.

Они тогда сильно поспорили: Мира не хотела уезжать, винила Саула, мол, он хочет отделаться от нее. Хотя сама прекрасно понимала, что творится вокруг. Даже друзья обсуждали ежедневные события. Просто Саул не мог сказать Мире прямо: друг и самый лучший источник информации, офицер САВАК Маджид Джавади предупредил: пора иностранцам – и особенно гражданам США – покинуть Иран. Мира ни в какую не соглашалась уезжать.

Той ночью в Тегеране, в 1978 году, кошмар опять посетил Саула – первый раз после долгого перерыва. Мира потом сказала, что Саул во сне сильно стонал и ворочался. И тогда он признался, поведал о кошмаре.

– Я и забыла, – произнесла Мира, поглаживая его по руке, – что вы были единственной в городе ортодоксальной еврейской семьей среди христиан. Должно быть, вас травили?

– Порою – да. Бывало, соседские дети дразнили меня грязным жидом, убийцей Христа или смотрели враждебно. Спасибо учителям: они велели им оставить меня в покое и не задирать. Я много времени проводил в одиночестве.

– Представляю: маленький Саул совсем один на игровой площадке…

– Послушай, Мира, тут все не как у индусов и мусульман в Индии: христиане вовсе не прогоняли нас из города, не жгли крестов на лужайке перед домом. Я же был маленьким американцем, мне только свободы и хотелось. Страх породило нечто иное. Родители ведь никогда не рассказывали, как пережили Холокост. Никогда.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому, что вчера мне снова приснился детский кошмар.

– К чему?

– Тебе пора уехать, немедленно. Сон – это предупреждение нам, грядем нечто страшное. – Едва сказав это, Саул понял, что сон и правда – знамение.

Уезжая, садясь на самолет, Мира с ним почти не разговаривала. А спустя всего месяц сам Джавади подтвердил, насколько точным и ужасным оказалось предупреждение в виде кошмара.

* * *

В аэропорту Тампа у багажной карусели Саула дожидался рослый афроамериканец: чуть за сорок, в отутюженных слаксах и ладно сидящей рубашке с короткими рукавами, стриженный по военной моде. В цивильную одежду он облачился по просьбе самого Саула.

– Мистер Беренсон, сэр, – произнес негр.

– А вы?

– Подполковник Крис Ларсон, сэр. Разрешите понести ваш багаж?

[8] Понял? (*ид.*).

– Нет, я сам. Вам было приказано ждать бородатого мужика? – поинтересовался Саул по пути к парковке.

– Вроде того, сэр, – улыбнулся Ларсон.

Они сели в машину и поехали прочь от аэропорта.

– Далеко ехать? – спросил Саул.

– Тут недалеко. В кабинете генерала будете через девять с половиной минут, сэр.

– Генерал любит точность, да?

– Да, сэр, любит.

Они въехали в ворота военно-воздушной базы Макдилл, и ровно в обещанный срок Саул оставил багаж в приемной генерала Артура Деметриоса, начальника Центрального командования вооруженных сил США, знаменитого военными успехами в Ираке, ныне руководящего вооруженными силами Америки на Ближнем Востоке и отвечающего за все связанные с войной действия и переговоры, включая Соглашение о статусе войск и резолюции по кампании в Ираке.

Ростом генерал был почти как Саул – шесть футов. Стройный, мускулистый, лет под пятьдесят, с умным вытянутым лицом, загорелый от многих проведенных в поле часов. Он окончил не только Военную академию Вест-Пойнт, но еще получил степень магистра государственного управления в Колумбийском университете и доктора философии в области политологии в Принстоне. Саул вспомнил, как охарактеризовал генерала Билл Уолден: «Это не просто крутой ветеран, он умеет слушать».

– Итак, мистер Беренсон, – начал Деметриос, – вы знаете, в чем проблема?

Он подался вперед, поигрывая шариковой ручкой. У генерала за спиной, в прикрытое жалюзи окно Саул видел участок базы и пальму.

– Проблему зовут Абу Назир, командующий «Армией освобождения исламского народа». Он знает обо всех ваших действиях, еще до того, как вы их предпримете. Знают о них и шииты, и иранцы. Они всегда на шаг впереди вас. Беда еще и в том, что Соединенные Штаты на пороге экономического коллапса, Конгресс и вся страна считают, будто война в Ираке окончена – просто врагу об этом никто не сказал. Все это время мы в ЦРУ ловили «кротов», играли в кошки-мышки с иракской ячейкой «Аль-Каиды», не говоря уже о шиитах, а потому мало чем – или вообще ничем не могли вам помочь. Вот в чем ваша проблема. Кстати, зовите меня Саул, генерал.

– Ну наконец, – улыбнулся Деметриос, отложив ручку. – Хоть кто-то из Лэнгли сподобился сказать нечто, похожее на правду.

– Это еще не все, – добавил Саул и поделился с генералом информацией о миссии спецназа в Сирии и находке Кэрри. Генерал отошел к карте на стене и вместе с Саулом они проследили по ней маршрут группы спецназа, а после – и передвижения Кэрри.

– Значит, сирийцы пригрели у себя Абу Назира? – заключил генерал Деметриос. – С какой стати?

– С такой, чтобы сирийские сунниты-смертники перестали обвешиваться поясами шахидов и охотиться на президента Асада и его генералов, – ответил Саул. – В общем, Абу Назир скрылся. В Сирии его искать бесполезно.

– Где же он теперь?

– Скорее всего, в Ираке.

– А поточнее?

– Он может быть где угодно: хоть на юге, хоть на севере.

– На севере?! Курды его с говном съедят.

– Это вряд ли. Опыт показал: Абу Назира нельзя недооценивать.

– Но вы ведь его отыщете?

– В конечном итоге – да. Однако сейчас другие приоритеты, – сказал Саул, подсаживаясь ближе к столу. – Как, собственно, и у вас. Вы ведь очень скоро уезжаете, так?

Генерал Деметриос пристально посмотрел на Саула и кивнул.

– Откуда знаете?

– Работа у меня такая, – ткнул в себя пальцем Саул, – не забывайте. А теперь слушайте: я пришел к вам по одному жизненно важному делу.

Деметриос отложил ручку и сильно подался вперед, упершись подбородком в сложенные, как для молитвы, ладони.

– Слушаю вас внимательно.

– Я уже давненько кое-что подозреваю, а тут наш оперативник в Дамаске прислал инфу, которая полностью подтверждает мысль: у нас завелся «крот». Есть шанс, что он засел где-то очень высоко в кругах коалиционных сил или верхних эшелонах иракского правительства. Буду с вами предельно честен: «кротом» может оказаться и кто-то из наших, агентов ЦРУ в багдадском отделении, если не в Лэнгли. А может, и в штабе армии, генерал. Информация на сто процентов достоверная.

– В штабе армии?

– Или в нашем штабе. Не хотелось бы думать, что один из агентов или солдат продался врагу, нам обоим претит эта мысль, однако нельзя ее исключать: мы оба знаем, сэр, что такое случается.

Генерал Деметриос встал из-за стола и принялся расхаживать по кабинету. Взглянув на Саула, он произнес:

– Так что же мне делать? Нам скоро принимать решения, которые могут завершить войну. Мне нужно полностью доверять тем, с кем я работаю, кем командую.

– Все намного хуже, – сказал Саул, теребя бороду. – То же сообщение от оперативника указывает, что Абу Назир готовит нечто крупное, нечто, что наконец развяжет гражданскую войну, которую вы, генерал, изо всех сил старались предотвратить.

– Что именно он затеял?

– Пока еще не знаем, но выясним. Очень скоро выясним.

Генерал Деметриос глянул на часы.

– У нас три с половиной минуты, Саул. Потом мне пора. – Он уперся руками в стол. – Может, скажете, зачем вы на самом деле приехали?

– Говорят, – улыбнулся Саул, – вы отличный стратег. Знаете, мне тоже пора. – Встав, он вытянул ручку чемодана на колесиках. – Окажите услугу.

– Какую?

– В данный момент готовится контроперация с целью помешать планам Абу Назира. В какой-то момент я могу – подчеркиваю, могу – обратиться к вам за ресурсами вроде группы специального назначения. Еще не знаю, обращусь ли – и сколько мне людей понадобится, – однако называется операция «Железный гром».

– Поимка «крота» – ее часть? – спросил Деметриос, направляясь к двери.

– Можно и так сказать, – ответил Саул, следуя за генералом в приемную, где командующего дожидались с полдюжины офицеров. – Очень даже можно.

– А вы, – остановился генерал, – знаете, куда я сейчас направляюсь?

Саул улыбнулся.

– Вы вместе с дополнительными ресурсами вылетаете особым бортом «С-17» в расположенный в Дохе, что в Катаре, штаб Центрального командования.

– Вас подбросить? – спросил генерал Деметриос. – Полагаю, надо продолжить начатую беседу.

– Я ждал, когда вы это предложите, – ответил Саул. Мастер-сержант принял у него чемодан и покатил его к служебному автомобилю генерала.

* * *

«Боинг С-17» был куда крупнее самолетов, на которых Саулу доводилось летать. Внутри по обеим сторонам салона тянулись ряды мониторов, за которыми сидели операторы и отслеживали операции на воде, суше и в небе. Свою сеть генерал Деметриос раскинул над всем Ближним Востоком и Южной Азией. Когда борт взлетел, его некоторое время сопровождал истребитель «F-16», который развернулся в обратном направлении где-то над Атлантикой.

Саул устроился в задней части салона, где сиденья располагались как в гражданском «бизнес-классе». Включив ноутбук, он работал над деталями предстоящей операции «Железный гром»: тайники для обмена сообщениями, пароли, явки. При этом он пользовался особой шифрующей программой, уникальной и предназначенной для работы с особо секретными файлами ЦРУ. Стандартные дешифраторы АНБ, РУМО и даже ЦРУ с таким кодом не справились бы.

Часа два спустя к Саулу подошел подполковник Ларсон. Одетый в форму, среди своих, он явно чувствовал себя как рыба в воде. Передав приглашение генерала на чашечку кофе, он повел Саула мимо рядов мониторов, за которыми работали мужчины и женщины – через микрофоны в головных гарнитурах они общались, координируя действия, с разбросанными в различных местах командными постами. За дверью в конце прохода обнаружился целый кабинет: письменный стол, стол для совещаний, кресла и зона отдыха с баром; модернистским дизайном он напоминал мужской клуб для роботов.

Генерал Деметриос сидел во вращающемся кресле, прихлебывая кофе и почитывая выпуск «Экономиста». При виде Саула, он отложил газету и налил гостю кофе.

– Вам чего-нибудь добавить? – спросил он.

– Молока и сахара. Я, как вы, просто черный не пью.

Генерал Деметриос развернулся к Саулу, положив руки на колени, словно готовый напасть борец сумо.

– Вы затеяли полевую операцию? Потому и покинули Лэнгли, отправились со мной покататься, я прав?

Саул пригубил кофе.

– Замечательно, – похвалил он напиток. – Я пришел договариваться с вами. – Оглядевшись, он заметил: – «Жучков», полагаю, тут нет?

Генерал Деметриос покачал головой.

– Дергаетесь, – произнес он. – Кто еще знает об операции?

– Директор ЦРУ, вице-президент Билл Уолден. Последний сильно удивился, но добро дал. Факт есть факт. Еще советник президента по национальной безопасности Майк Хиггинс, сам президент… Теперь и вы.

– Откуда собираетесь руководить операцией?

– На месте сидеть не придется, но в Бахрейне есть точка, – ответил Саул. – По очевидным причинам, это его столица, Манама.

– Самое сердце Персидского залива, недалеко от Ирака. Или штаба Центрального командования. Или, если уж на то пошло, от Ирана. Как говорят продавцы недвижимости: близость ключевых объектов решает все. А может, у вас на примете есть кто-то – или что-то конкретное, Саул?

– И кто-то, и что-то. Манама стоит на перекрестке путей, там люди заключают сделки: и чистые, и грязные. Кстати, это недалеко от вашего штаба в Дохе, генерал, хотя вы там нечасто бываете.

Саул отставил чашку в сторону.

– Сами знаете, я на попе ровно сидеть не привык, – прорычал Деметриос. – Прямо сейчас назревает конфликт в Басре, мы не готовы.

– Дело ведь не только в «Армии освобождения исламского народа». Тут замешаны курды, шииты, «Армия Махди», иранцы, – загибая пальцы перечислил Саул. – Абу Назир чиркнет спичкой, и земля вспыхнет у него под ногами. Хворосту хватит.

– Когда и где?

– Очень скоро я дам знать, – ответил Саул, глядя на карту Ирака, открытую на ноутбуке у генерала. – Сперва надо кое-что уладить.

– Подготовить операцию «Железный гром»? – глядя прямо на Саула, спросил Деметриос.

Саул кивнул.

– С чего начнете?

Саулу отчего-то вспомнился отец, его слова: войди в пламя доменной печи – и будет тебе ответ.

– Приклею жирную мишень на спину своему лучшему оперативнику и отправлю его в лагерь врага.

– Что-что?!

– Простите, неудачное сравнение. Мы ведь не просто знаем, что у нас завелся «крот», сливающий инфу «Аль-Каиде». Впервые у нас имеется след, по которому мы сможем этого «крота» выследить и прижать. Да, и еще, генерал: иранцы. Эти, скорее всего, тоже кормятся с барского стола.

– Вы читали мои доклады РУМО: в Иране что-то назревает. В среде иракских шиитов подозрительное затишье. Если нас выбьют из Ирака, это будет кровавая баня, – мрачно предупредил генерал Деметриос.

– Представьте, что атака придется одновременно с обеих сторон – суннитской и шиитской. При этом враг будет знать о каждом вашем шаге наперед.

– Да вы мои мысли читаете. Что, по-вашему, не дает мне уснуть по ночам?

– У меня план, – успокоил генерала Саул.

– «Железный гром».

– Точно. Вы ведь играете в го? Говорят, вы одержимы этой игрой, – сказал Саул, доставая из сумки доску и ларец с камушками. – Если хотите, можете играть за черных. Я даже могу снизить свою фору *комидаси.*

– Вы торопите меня, Саул? – пристально взглянул на него генерал. Сверившись с часами, он спросил: – Уверены? Игра займет где-то часа два, как минимум.

– Ну нет, – возразил Саул, наблюдая за первым ходом противника. – Куда как меньше.

Талль-Афар, Ирак

15 апреля 2009 года

Над городом нависли серые тучи, зарядил дождь. Броуди и еще пятеро человек шли за Далилем по узкой улочке, пряча под одеждой оружие. Шли в мечеть на полуденную молитву *дхухр-намаз* по грязной разбитой мостовой, мимо обветшалых домов и лавочек; стены были испещрены пулевыми отверстиями – после ожесточенного боя, что разразился тут два года назад между армией Абу Назира и американским десантом.

И хотя коалиционные силы объявили тогда о своей победе, а сам город большей частью населяли туркмены, не арабы, на улицах Талль-Афара то и дело гремели взрывы ракет и самодельных мин. Впрочем, не о том сейчас думал Броуди. Ему предстояло принять решение, от которого зависела его жизнь.

В местной пекарне, где они покупали лепешки, Броуди повстречал молодую туркменку, знавшую английский. Как-то утром, недели три назад, стоило Афзалю выйти на улицу поговорить с Махди, она поинтересовалась у Броуди:

– Что это американец делает в компании суннитов?

По некой причине – возможно, потому что впервые за шесть лет с ним заговорила женщина, да еще по-английски, или же потому, что она носила туркменский головной убор, отличающий ее от арабов, от тюремщиков, или потому, что в ее черных глазах (невероятно!) мелькнул огонек, с каким женщина обычно взирает на мужчину – Броуди ответил:

– Я военнопленный, американский морпех.

В этот момент в пекарню вернулись Афзаль и Махди. Броуди громко спросил у туркменки:

– *Bikam haadha*? – Мол, сколько с меня?

С тех пор, стоило Броуди наведаться в пекарню, и девушка обращала на него внимание. Даже Махди это заметил.

– Что у тебя с этой туркменочкой? – спросил он.

– Ничего. Мы просто здороваемся, и я покупаю хлеб, благодарение за него Аллаху.

– Думаешь, ты ей понравился? Ты, чужак? Думаешь, она – как американские девки, на которых только взгляни, и они перед тобой раздвигают ноги?

– Я женат. У меня двое детей, – напомнил Броуди.

– Но ведь ты хочешь эту туркменочку?

– Нет. С чего ты взял? Может, ты сам на нее глаз положил?

– Тьфу! У туркменок усы растут. Жаль, что ты не можешь взять себе нежную арабскую женщину, американец.

– Сказано тебе, я женат, – повторил Броуди, разуваясь у входа в мечеть. Даже здесь один из них, Афзаль, вооруженный «АК-47», остался наблюдать за улицей. Он высматривал машины и повозки, в которых могли оставить взрывчатку, и – что еще хуже (для Абу Назира) – иракские военные патрули. В последнее время в иракскую армию стали набирать много шиитов.

«Теперь за ним следили пуще прежнего», – думал Броуди касаясь лбом пола с остальными молящимися. Разве что десять дней назад все повторилось: к пекарне подъехал сам Абу Назир и подозвал Афзаля с Махди. Броуди вновь остался наедине с туркменкой – которую, к слову, звали Акджемаль. Она поманила Броуди к краю прилавка, где показала красивый круглый хлеб с рисунком в виде звезд.

– Мой дядя Джейхун, – быстро зашептала девушка, – шейх района. Рисковать он не хочет, поэтому думает вывезти тебя в Мосул в грузовике, спрятав под мешками с мукой. Мосул недалеко от Талль-Афара, километрах в шести. Дядя знает там американских военных. Говорит, через час ты уже будешь у своих: в Мосуле стоит Первый аэромобильный полк. Согласен?

– За мной постоянно следят, – ответил Броуди, оглядываясь через витрину на улицу: Махди и Афзаль все еще стояли у машины и беседовали с Абу Назиром. – Если меня схватят, то убьют. И дядю твоего – тоже.

– Я туркменка и не боюсь суннитских собак, – покраснев, ответила девушка. Тогда-то Броуди и понял, что нравится ей. Дальнейшая его судьба зависела от его ответа. Краем глаза он заметил, что Афзаль возвращается в пекарню.

– Я скоро дам знать, – уходя, шепнул девушке Броуди. – Красивый хлеб, *al-anesah*[9], но мы возьмем обычный.

Тем же днем Абу Назир прислал за Броуди. Они пили чай из маленьких чашечек в просторной комнате на верхнем этаже большого каменного дома – одного из нескольких, соеди-

[9] Госпожа (*араб.*).

ненных подземными тоннелями, строений старого города. И хотя Абу Назир говорил очень тихо – как и всегда, – Афзаль стоял у двери, сжимая в руке девятимиллиметровый пистолет. Через сводчатые окна Броуди видел крыши соседних каменных домов, пострадавших во время боев, а на далеком холме – древний турецкий замок. Абу Назир предупредил: скоро они покинут Талль-Афар.

– Знаю, тебе нелегко пришлось, – произнес он, кладя руку на плечо Броуди.

Броуди чуть не задохнулся. Нахлынули старые воспоминания: как его схватили, как избивали, как он убил Тома Уокера, закопал его в песчаной могиле, как потом его снова били – раз за разом, до полусмерти. Броуди вспомнил тесную бетонную камеру, которую называл склепом, ибо себя считал мертвым. Без Джессики, без дочки Даны и сынишки Криса. Бесконечные побои и насмешки Афзаля и Махди. Афзаль был хуже всех, он стал личным демоном Броуди, а тот ждал, что рехнется. Бывало, сидя в камере и даже молясь вместе с тюремщиками – поначалу просто, чтобы немного скрасить пребывание в плену, побыть в обществе людей, пусть и врагов, – Броуди понимал: его убьют, и потому сходил с ума.

Он терял рассудок от страха. Ужас кислотой разъедал его душу. Броуди боялся все время; страх не покидал его никогда, с самого детства.

Те девять роковых минут все решили.

А потом, когда арабы бежали из Сирии и вывезли его в пустыню – ничего не осталось. Лишь пустота и ястреб на фоне золотистого неба. И Бог. Наконец Аллах обратил на него взор.

Афзаль приставил ему к голове пистолет. Броуди собирались убить и бросить труп в песках, чтобы никто не нашел его кости. Для близких он пропал без вести. А Джессика… Она вновь выйдет замуж, пройдут годы – вспомнит ли она тогда об исчезнувшем муже?

Джессика. Что сейчас с ней? Шесть лет прошло. Вспоминает ли она Броуди? Нашла ли кого-то другого? Да уж, наверное… И как там детки? Дане сейчас тринадцать. В каком она классе? В восьмом? Подросток. Уже, поди, на мальчиков заглядывается. А Крис? Младшенький? Ему семь, идет во второй класс!

Броуди должен был погибнуть там и тогда, в песках. Афзаль чуть не спустил курок, но в полусотне метров от них остановился внедорожник. Из окна выглянул Абу Назир и приказал: «*U'af*!». Стой!

Потом они приехали в Талль-Афар, выжженный войной город: пустые дома, лишь кошки гоняются за крысами. По ночам животные выбирались на улицу, бегали по обвалившимся стенам, сверкая глазами. Броуди делил комнату с Афзалем, который то и дело поддевал его: «Неверный! Американец! Подумаешь, молишься с нами – никого ты не проведешь, кусок верблюжьего дерьма!»

Во сне Броуди избивали: то отец, то Афзаль. Броуди перестал различать их. Он желал смерти, чтобы все прекратилось. Скорей бы! Зачем живет тело, когда душа не желает здесь оставаться?!

«Аллах, что тебе нужно? Скажи, потому что я дальше не выдержу!»

– Почему ты не дал убить меня там, в пустыне? – спросил Броуди Абу Назира.

Тот повертел чашку в руках.

– Если честно, сам не знаю. Перед отъездом из Сирии я дал Афзалю четкий приказ. Ты должен понять, Николас Броуди, ведь ты тоже солдат: идет война. Однако потом, в пустыне, когда настал момент… Не знаю, почему я изменил решение. Говорят, ты принял ислам, совершаешь намаз вместе с остальными.

Броуди кивнул.

– Понятно. Почему же? Ты ведь родился христианином?

Броуди не спешил отвечать. Он глянул в раскрытое окно на серое небо. После всего случившегося, убьет ли его Абу Назир, узнав правду? Самому себе, впрочем, Броуди врать не хотел: ему было плевать, пускай даже туркменка и ее семья подарили ему лучик надежды.

– Понимаю, – произнес Абу Назир. – Ты напуган. Но все равно скажи правду, так будет лучше. Почему ты стал мусульманином?

– Не знаю, – пробормотал Броуди, спрятав лицо в ладони. – Сперва мне просто хотелось к людям. Я больше не мог выносить одиночество. – Он посмотрел на Абу Назира. – Потом уже не мыслил жизни без ислама.

Абу Назир снова кивнул.

– Так и бывает: порою мы приходим к Аллаху, а порой Он сам находит нас. Где твой дом в Америке, Николас Броуди?

– В Александрии, что в штате Виргиния.

– Ты там и родился? Вырос?

Броуди мотнул головой.

– Родился я в Твентинайн-Палмс, это в пустыне Мохаве, в Калифорнии. А вырос в Бетлехеме, что в Пенсильвании.

– Бетлехем? – пристально посмотрел на него Абу Назир. – Как Иисус? – Он встал и скрестил руки на груди. – Ты? Из Вифлеема?

– Не знал, что мусульмане тоже почитают Иисуса, – признался Броуди.

– Ты вообще ничего о нас не знаешь, – отрезал Абу Назир. – Мусульмане чтут пророка Ису, непорочно зачатого посланника Всевышнего.

– Тогда почему вы ненавидите христиан?

– Христиане глупы, говорят, будто Иисус был сыном Божьим, что сам был Господом, своим Отцом, и зачал себя в утробе матери своей Девы Марии. И то, и то попросту невозможно и оскорбительно. Аллах – един, не допускает извращений. Эти самые христиане пришли на наши земли с войной. Они воют с нами с самых Крестовых походов. Мы же бьемся с Америкой и неверующими, а не с Иисусом.

Договорив, Абу Назир жестом велел Броуди уйти. После все изменилось: Афзаль, Махди и прочие стали обращаться с Броуди как с равным, одним из них. Даже спал он теперь в отдельной комнате.

И вот, возвращаясь под дождем из мечети, Броуди обернулся в сторону пекарни: в витрине стояло два круглых хлеба с рисунком в виде звезд. Это был условный знак: Акджемаль сообщала, что сегодня ночью дядя будет готов вывезти Броуди из Талль-Афара.

Всего час по шоссе. Один час – после шести лет плена – и Броуди окажется в Мосуле. Будет свободен. Свободен!

Вот только прошлым вечером Абу Назир пригласил Броуди поужинать. Они ели цыпленка с рисом и изюмом, одни. Даже Афзаль не стоял у двери.

– Мы покидаем Талль-Афар, Николас, – сказал Абу Назир. – Очень скоро.

Броуди решил: если и бежать с дядей туркменки, то сегодня ночью.

– Почему? – спросил он вслух. – Что случилось?

– Много чего. Во-первых, мы не собирались тут оставаться, а во вторых, кое-что назревает. Американцы верят, будто их война здесь окончена. Они как дураки отдали Ирак шиитам и иранцам, бросают его, словно надоевшую игрушку. Скоро они узнают: война не закончена. Ты как американец и мусульманин докажешь нам преданность. – Абу Назир подался вперед. – На что ты готов?

– Я военнопленный, – ответил Броуди. – Хочу, чтобы война скорее закончилась, *inshallah*[10].

Абу Назир крепко схватил его за руку.

– Тебе еще многому предстоит научиться, Николас. Эта война длится уже очень давно. Позволь, я буду учить тебя, но мы должны быть искренни друг перед другом.

---

[10] Если на то будет воля Аллаха (*араб.*).

Черными глазами он будто заглянул Броуди в самую душу.

– Тогда зачем ты пощадил меня в пустыне? Скажи.

– Говорю же: тогда я и сам не понял почему. Правда. Просто ощутил внезапный порыв. Думаю, вмешался Аллах, Николас. Посмотрим, – нахмурился Абу Назир. – Когда прибудем на новое место, я попрошу тебя кое о чем. Очень важном.

Той ночью Броуди не спал, прикидывая шансы. Если он не сумеет бежать, Абу Назир убьет и его, и семью туркменки. Если сумеет, то пекарню взорвут; погибнут и туркменка, и те, кто окажется поблизости. Может, и за дядю возьмутся. Зато сам Броуди спасется, сбежит из этого ада.

Сможет ли он жить с таким грузом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.